

РОССИЙСКО-ИРАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Материалы международной конференции
«Российско-иранское сотрудничество
в меняющемся мире»

Институт стран СНГ

Институт политических и международных
исследований (IPIS) МИД Ирана

Росатом

Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире

**Материалы международной конференции
«Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире»**

(Москва, 25 апреля 2023 г.)

**Москва
2024**

УДК 339.9

ББК 66.2

Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире.
Материалы международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (Москва, 25 апреля 2023 г.). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2024. – 160 стр.

В книге представлены материалы Международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (25 апреля 2023 г., Москва), которая прошла в гостинице «Президент-Отель» при финансовой поддержке Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». В качестве организаторов мероприятия выступили Автономная некоммерческая организация Институт стран СНГ и Институт политических и международных исследований Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран. Авторитетные эксперты из России, Ирана, Казахстана и Армении выступали как очно, так и в программе ZOOM. Международная конференция была посвящена историческому прошлому, динамичному настоящему и перспективному будущему российско-иранских отношений в условиях нарастания на наши страны давления Запада.

Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-94293-090-5

© Институт диаспоры
и интеграции (Институт
стран СНГ), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	5
К.Ф. Затулин.....	5
Пленарное заседание. Открытие конференции.....	9
Казем Джалали.....	11
Ф.В. Черницын.....	16
М.А. Баранов.....	24
Доктор Мохаммад Хасан Шейхольэслами.....	27
В.В. Наумкин.....	31
Д.А. Алексеев.....	35
Е.М. Кожокин.....	37
В.Г. Карслиева.....	41
Н.Н. Спасский. АЭС Бушер – как флагман энергетического сотрудничества России и Ирана.....	43
СЕКЦИЯ 1. Геополитические и военно-политические аспекты российско-иранского сотрудничества в Евразии.....	48
С.Г. Лузянин. Россия – Иран – Китай: новая система стабильности и безопасности «неамериканского мира».....	49
Доктор Ширголами Халиль.....	56
Б.К. Султанов. Евразия и становление многополярного миропорядка.....	57
А.М. Мустафабейли. Исторические аспекты российско-иранских отношений.....	62
И.А. Сафранчук. Региональные последствия глобальной геополитической трансформации.....	66
В.Л. Жарихин. О влиянии украинского кризиса на российско-иранские отношения.....	72
Б.М. Волхонский. Россия – Иран – Индия: диалог великих цивилизаций Евразии как фактор стабильности на континенте.....	75
И.Е. Федорова. О новых тенденциях в ирано-индийских отношениях.....	82
СЕКЦИЯ 2. Экономические аспекты российско-иранского сотрудничества на евразийском пространстве.....	86
Н.М. Мамедова. Российско-иранские отношения в экономической сфере.....	87
Доктор Маради Манучехр. Экономические аспекты российско-иранского сотрудничества.....	93
Д.С. Крылов. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений.....	96
Е.В. Дунаева. Интересы России и Ирана в рамках ЕАЭС.....	100
СЕКЦИЯ 3. Военно-политические аспекты российско-иранского сотрудничества на Южном Кавказе и в Центральной Азии	106
Б.В. Долгов. Российско-иранское сотрудничество в Сирии.....	107
В.И. Белов. Стратегические вызовы безопасности Ирана на Ближнем и Среднем Востоке.....	115

Омар Нессар. Развитие ситуации в Афганистане и возможные направления российско-иранского сотрудничества.....	123
В.И. Сажин. Проблемы ирано-азербайджанских отношений в изменяющемся мире.....	128
Доктор Зарч Али Беман Эгбали. Перспективы развития российско-иранских отношений.....	136
Пленарное заседание. Закрытие конференции.....	138
Доктор Ширголами Халиль.....	139
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	140
Приложение 1. Программа.....	141
Приложение 2. Список участников	150

Вступительное слово

К.Ф. Затулин,

первый заместитель председателя
Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ,
евразийской интеграции и связям с соотечественниками,
директор Института стран СНГ
(Россия)

Уважаемые участники, мы рады приветствовать вас на нашей конференции, которую мы назвали «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире». Эта конференция была задумана и осуществляется как совместный проект нашим Институтом стран СНГ и Институтом политических и международных исследований Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран. Я рад приветствовать здесь делегацию наших коллег из Ирана, ученых и исследователей во главе с доктором Мохаммадом Хасаном Шейхольэслами. Они прибыли для участия в сегодняшней конференции, и у них большая программа пребывания в Москве и встреч с экспертами, научными сотрудниками в том числе и в тех институтах, представителями которых вы являетесь и сегодня участвуете в этой конференции. Для меня большая честь, что на открытии конференции присутствует Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран господин Казем Джалали.

Позвольте мне вначале выполнить почетную обязанность как депутату Государственной Думы огласить приветствие нашей конференции со стороны Председателя Государственной Думы Федерального собрания

Российской Федерации господина В. Володина участникам международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире»:

«Дорогие друзья, международная конференция «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» способствует развитию равноправного диалога и укреплению стратегического партнерства между нашими странами. Вам предстоит обсудить вопросы углубления торгово-экономических связей в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства, взаимодействия на Каспии, обеспечения региональной безопасности. Важно, чтобы конструктивные предложения по повышению эффективности совместных проектов были реализованы в интересах наших граждан.

Желаю плодотворной работы и всего самого доброго. С уважением, Вячеслав Володин».

Хочу сказать, что это заслуженные аплодисменты в адрес нашего председателя, он уделяет большое значение развитию парламентских и иных связей с Исламской Республикой Иран. Мы вместе, в начале года, провели Третье заседание межпарламентской комиссии Государственной Думы Российской Федерации и Исламского совета Исламской Республики Иран в Тегеране, и некоторые из нас, не только я, были свидетелями тому, как в течение целого дня мы по итогам обсуждения принимали вполне конкретные решения на благо развития отношений между нами.

Сегодняшняя конференция стала возможной при поддержке уважаемого нашего Агентства по атомной энергии «Росатома», и здесь присутствуют представители этой организации. Мы надеемся, что заместитель руководителя «Росатома» господин Н. Спасский к нам присоединится. К сожалению, с утра он не может принять участие, но в 12:30 он будет и выступит перед вами. Я также приветствую здесь на конференции представителей министерств и ведомств, которые имеют отношение к развитию отношений с Ираном. Я имею

в виду Акционерное общество «Российские железные дороги», конечно, Министерство иностранных дел, Министерство транспорта и другие наши министерства и ведомства. Ну и безусловно, я очень рад тому, что здесь признанные специалисты, востоковеды. Мы всегда добиваемся, чтобы Виталий Вячеславович Наумкин посетил наши мероприятия, это очень редко удается, но сегодня он здесь. Это уже гарантия того, что все будет хорошо, когда среди нас научный руководитель Института востоковедения РАН. Я не буду сейчас произносить длинных речей. Я думаю, что в течение конференции у нас будет возможность всем, кто желает, высказаться. У нас есть определенный план проведения конференции, мы его, конечно, будем придерживаться, но при этом допускать какие-то изменения.

Важно лишь сказать для начала, что события, происходящие в мире, особенно в течение всего прошлого года, то давление, которое в течение сорока лет испытывает Исламская Республика Иран со стороны западного сообщества, прежде всего Соединенных Штатов, тот режим санкций и давление, которые мы в России в полной мере испытали на себе в течение прошлого и предшествующих лет, только лишний раз подчеркивают, что правы были те, кто и раньше, не вчера, не позавчера, а на протяжении десятилетий добивался понимания важности сотрудничества между Россией и Ираном.

И, как у нас в таких случаях говорят, было бы счастье, да несчастье помогло. Вот тот факт, что Россия и Иран, проводя самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, натолкнулись на противодействие со стороны стран, которые желают установить свою гегемонию и считают весь мир зоной своих собственных национальных интересов. Этот факт, конечно, является определяющим в нашем настрое по всем направлениям, возможным для сотрудничества между Россией и Ираном, продвигаться вперед.

Председатель Государственной Думы в своем приветствии уже сказал, какие именно сферы затронуты сегодня нашим сотрудничеством. Мы в течение многих лет ведем работу по мирному атому, и в девяностые годы я лично принимал участие в переговорах, которые были посвящены строительству атомной электростанции в Бушере и обеспечению этого важного проекта. Но я рад, что мы сейчас не сводим все лишь к этому единственному проекту. Наш товарооборот растет, он увеличился за два года вдвое, но он еще далеко не достиг тех возможностей, тех пределов, которые могут быть достигнуты, исходя из возможностей Ирана и России. Наше сотрудничество на Каспии, тот факт, что Россия и Иран вместе выступают за мирное развитие Каспия и против появления в его акватории внерегиональных сил, чужих военных баз, а мы знаем, что есть страны, которые к этому стремятся – обосноваться на Каспии вдали от собственных берегов, я думаю, что Россия и Иран вместе не дадут этому свершиться, как бы кто этого ни хотел. Есть и многие другие вопросы, которые, я уверен, сегодня найдут свое воплощение в ходе ваших выступлений, в ходе той дискуссии, которую мы надеемся провести.

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.
ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ**

Казем Джалали,
Чрезвычайный и Полномочный посол
Исламской Республики Иран в Российской Федерации
(Исламская Республика Иран)

Во имя Бога Милостивого, Милосердного, очень рад принять участие в сегодняшней конференции.

Мне представляется, что отношения между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией в современном периоде основаны на двух фундаментах. Один фундамент – это, конечно же, элемент нашего соседства, который присутствует на протяжении всей истории. И как раз соседство привело к тому, что наши отношения неизменно развивались, хотя в этих отношениях мы наблюдали взлеты и падения.

Второй очень важный элемент – это, конечно же, общность наших подходов по вопросам региональной и международной повестки дня. И как раз Исламская революция, которая победила в 1979 году, была основана именно на элементе стремления к суверенитету, к независимости, чтобы не попасть в орбиту влияния западных стран. И как раз в то время в основном присутствовали два господствующих течения – Востока и Запада, и главный лозунг Исламской революции заключался в том, что Иран не хотел бы присоединиться ни к одному из этих блоков и настаивал на своем суверенитете и независимости.

После распада Советского Союза, конечно же, западный блок злоупотреблял распадом Советского Союза и старался применить новый подход, который мы знаем под названием унилатерализм, или применение односторонних действий. Исламская Республика Иран на протяжении последних десятилетий очень серьез-

но противостояла именно западным односторонним действиям. И как раз на этом пути мы сталкивались с различного рода угрозами, санкциями, террором, а также созданием различного рода войн и заговоров. И то, к чему пришла Исламская Республика Иран за последние десятилетия, заключается в том, что единственный путь спасения от западной доминации – это, конечно же, стойкость и сопротивление.

Что касается Российской Федерации, то после распада Советского Союза у нас складывается такое впечатление, что Россия испытывает сейчас то же время, которое мы проходили ранее. И Россия делала и делает большой акцент на своем суверенитете и независимости с учетом выдающейся истории цивилизации этой страны. И мы понимаем, что Россия не хочет ссоры с западным миром, делая акцент на своем суверенитете. Но суть односторонних действий как раз делит все страны на два блока, а не делит страны на страны, которые находятся на службе у Запада, или, точнее сказать, являются лакеями Запада, или страны, которые таковыми не являются и выступают их противниками. Поэтому, если страна не хочет стать западным лакеем, она входит в группу западных противников.

Это общая судьба независимых, суверенных государств, как Исламская Республика Иран, Российская Федерация, Китайская Народная республика и другие страны, которые себя таковыми считают. Конечно же, подобный взгляд Запада создал для нас очень большую возможность, и она заключается в том, что мы сейчас находимся рядом друг с другом и прикладываем огромные усилия к тому, чтобы создать новый мир. И как раз на этой же основе – на основе глубоких взглядов лидеров Исламской Республики Иран и Российской Федерации – мы прикладываем огромные усилия к тому, чтобы создать новый проект наших новых отношений в новом мире.

И на этом пути, конечно же, нам следует устранить те препятствия, которые существуют на пути развития

наших двусторонних связей, наряду с устранением тех препятствий, которые есть, конечно же, создать и проектировать те подходы, которые нам помогут развивать отношения в новом мире. И, к счастью, отношения между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией за последние годы, в частности, за последние два года претерпевают огромные хорошие изменения. Мы очень поступательно развиваем отношения в сфере политики, безопасности, а также обороны. Что касается экономики, то мы значительно расширили наши двусторонние связи. Объем товарооборота в 2022 году приблизительно был 5 млрд. долл., хотя это не соответствует тем огромным потенциальным возможностям, которыми обладают две наши страны.

Но мы сейчас концентрировали свое внимание на пяти элементах, для того чтобы сделать скачок вперед. Первый элемент – это, конечно же, взаимное познание друг о друге. Мы являемся соседними странами, но у нас нет достаточного познания о тех возможностях, которые есть в наших странах. К счастью, мы сейчас увеличиваем обмен визитами, и мы увидели, что его увеличение приведет к достаточному познанию людей, друг о друге. И проведение подобного рода конференций как раз будет способствовать этому познанию.

Второй элемент – это, конечно же, вопрос транзита. Я имею в виду развитие Международного транспортного коридора «Север – Юг». И мы очень рады, что наши лидеры, понимая правильно этот вопрос, очень серьезно отслеживают реализацию данного проекта МТК «Север – Юг». И очень отрадно здесь сообщить о том, что, дай Бог, в 2023 году мы начнем реализацию данного проекта и его переведем в практическую плоскость. Хотя должен отметить, что восточная ветвь МТК «Север – Юг» уже запущена. А что касается Транскаспийского коридора, сейчас мы пользуемся нашими возможностями на Каспии и его тоже запустили. И западная ветвь, дай Бог, мы переведем строительство

недостроенного участка Решт – Астару в практическую плоскость.

Третий важный элемент – это, конечно же, наше денежное банковское сотрудничество. Мы сейчас соединили систему передачи финансовых сообщений, и они проходят ныне испытание. В ближайшем будущем мы соединим еще наши платежные карточки – «Мир» и «Шетаб». Дай Бог, в ближайшем будущем мы будем свидетелями обмена визитами наших банковских должностных лиц, с тем чтобы оставшиеся банковские вопросы тоже могли бы реализовать.

Четвертый элемент – это, конечно же, таможня, и здесь мы тоже подготовили соответствующие предпосылки, для того чтобы это направление тоже развивать.

Пятый элемент – это, конечно же, логистика, и здесь, конечно же, предстоят большие дела и большое взаимодействие. Это касалось экономики.

А что касается культуры, конечно же, здесь мы тоже прикладываем огромные усилия к развитию данного направления. Что касается культурных подходов наших двух государств, я хотел бы отметить, что они очень близки друг другу, и здесь тоже у нас есть огромные возможности. Во всяком случае, враждебность Запада привела к тому, что наши народы и наши правительства сблизились, и я думаю, что надо пользоваться данным случаем, возможностью и всячески развивать наши связи. Мы готовы пройти этот переходный период от однополярного диктаторского мира к созданию нового мира.

Представители российской элиты поддерживают развитие ирано-российских отношений, и здесь уместно выразить им свою огромную признательность, хотя наши противники очень внимательно мониторят наши отношения и прикладывают огромные усилия к тому, чтобы нанести урон нашим отношениям и подорвать их. Вы знаете, что в Конгрессе США в 2016 году был принят законопроект о мониторинге ирано-российских

отношений. Поэтому, конечно же, бдительность наших представителей элит именно в этом периоде, когда мир меняется, является очень важной вещью. Надо быть начеку, чтобы на поле Запада не играть по их правилам.

Ф.В. Черницын,

заместитель руководителя Секретариата

заместителя председателя Правительства РФ А.Л. Оверчука

(Россия)

Наша сегодняшняя повестка – «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире». Изменения в мире заключаются в том, что в связи с растущим на планете дефицитом критических ресурсов, таких как вода, продовольствие, энергоносители, обострилась глобальная борьба за эти ресурсы, обострилась конкуренция производств и путей доставки товаров. Все это происходит в условиях изменения климата, которое грозит дальнейшей деградации почв и опустыниванием целых регионов планеты. Это то, что можно называть ресурсно-климатическим вызовом.

Одновременно с этими процессами происходит мировой технологический переход. Человеческая цивилизация готовится перейти к новому укладу технологий, основанному на цифровизации всех сфер жизнедеятельности и широкому внедрению искусственного интеллекта. Такие переходы, которые раньше люди называли «промышленными революциями», сопряжены с общественными трансформациями и изменением общественного мировоззрения. Таким образом, разворачивается глобальная борьба за технологии и за сознание людей. Это ценностно-технологический вызов.

Под воздействием этих вызовов началась мировая деглобализация, а по сути дела, отказ мира от однополярной системы, реконфигурация международных экономических отношений и становление макрорегионов, новых самостоятельных центров многополюсного

мира, собираемых по техноэкономическому и культурно-цивилизационному признакам.

Ведущий мировой процесс – это перемещение мировых экономических центров с глобального Запада на Юго-Восток. Россия в этой конфигурации самоопределяется как север Евразии и ведет активную работу по переориентации торговых и кооперационных цепочек на глобальный Юг. Эта переориентация требует создания соответствующей инфраструктуры, и это совершенно новая работа, которую предстоит проделать правительству нашей страны в ближайшие 10–20 лет.

В этих условиях евразийская экономическая интеграция становится головным геостратегическим проектом России в отношении не только стран СНГ, но и всех государств, примыкающих к нашей стране, лежащих к югу от нашей страны на территории Евразии. Благодаря сшиванию экономических и цивилизационных пространств, формированию общих и взаимодополняющих рынков Севера и Юга мы рассчитываем обеспечить технологический, финансовый и интеллектуальный суверенитет всех участников этого большого процесса.

Иран – это крупнейшая экономика Среднего Востока и ключевой элемент торгового пути, соединяющего глобальный Север и глобальный Юг. Как Россия, так и Иран, это не просто суверенные государства, но государства-цивилизации, имеющие древнюю историю. Сколько веков насчитывает история наших стран, столько же веков насчитывает история наших взаимных отношений. В этой истории были разные периоды, в том числе и периоды соперничества за влияние на региональные процессы. Хочется надеяться, что обе наших страны извлекли урок и сделали главный вывод из этих периодов, который заключается в том, что соперничество евразийских держав не ведет к усилению ни одной из сторон, а лишь взаимно ослабляет их, а выгодополучателем этого процесса выступает третья сторона, отделенная от нас морем и океаном. На

современном этапе обоюдная выгода сотрудничества и интеграционного взаимодействия кажется очевидной для всех.

Отношения России и Ирана развиваются весьма динамично, это подтверждается высокой интенсивностью контактов на всех уровнях, включая высший. Основой для хорошей динамики служит доверительное регулярное общение между Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным и Президентом Исламской Республики Иран Сейидом Ибрахимом Раиси.

На уровне правительств поддерживается и развивается диалог по широкой экономической повестке, приоритет отдается стратегически важным отраслям, таким как транспорт и энергетика. Совместная деятельность по модернизации транспортной инфраструктуры, в первую очередь, по выводу на полную мощность возможностей Международного транспортного коридора «Север – Юг» – это наш ключевой приоритет. Работа по этой повестке проводится динамично обеими сторонами.

Целесообразно было бы также изучить возможности скоординированного участия российских и иранских компаний в реализации китайской интеграционной инициативы «Один пояс, один путь», которая, несомненно, представляет интерес и выгоду для обеих наших стран. Российская сторона также заинтересована к увеличению своего присутствия в специальных экономических зонах Ирана, в том числе на южном побережье, которое перспективно не только для вывоза российских товаров на мировой рынок, но и для ввоза необходимой продукции в нашу страну.

На Каспии целесообразно усилить совместно российское и иранское присутствие в недавно созданных свободных экономических зонах: «Алят» – это Азербайджан и «Актау», Республика Казахстан. Перспективно также расширение Астраханской свободной эко-

номической зоны «Лотос» и установление договорных связей этой зоны со всеми прикаспийскими свободными экономическими зонами других стран.

Принимая во внимание санкционное давление, которое оказывается на оба наших государства, возможно, стоило бы повнимательнее изучить возможности установления связей не только с государственными компаниями Ирана, но и с традиционными исламскими структурами, «вакфами», «синфами» и другими, менее доступными для внешнего контроля.

В энергетическом сотрудничестве мы делаем упор на технологическую составляющую. Особое внимание уделяется расширению возможностей присутствия на иранском рынке российских нефтегазовых компаний. В мае 2023 года состоится очередная бизнес-миссия российских компаний в Иран, которая пройдет встык с Российско-Иранским нефтегазовым бизнес-форумом. В настоящее время дорабатывается Дорожная карта научно-технологического сотрудничества России и Ирана. Она будет сосредоточена на приоритетных направлениях развития нефтегазовых технологий, в которых есть потребности у наших стран, но нет своих разработок. Это должно быть ядром нового документа с целью создания совместных научных и инженерных центров, совместных производств оборудования и совместных сервисов. Также поощряется развитие партнерских и кооперационных связей с Ираном наших ведущих государственных корпораций, таких как «Росатом», «Ростех» и «Роскосмос».

За счет малого и среднего бизнеса регионов нашей страны будет происходить расширение участников взаимного товарооборота, который по итогам 2022 года достиг 4,6 млрд. долл. Для этого видится целесообразным активизировать связи Ирана и России на региональном уровне по примеру того, как работает наша Астраханская область, открывать в крупных городах персидские и русские дома, проводить выставки про-

дукции не только в столицах, но и в провинциальных центрах двух стран.

И, конечно, мы обязательно будем углублять наши связи в гуманитарном измерении. Стоило бы изучить вопрос об открытии в Иране российского культурного центра, где было бы организовано преподавание русского языка для всех желающих, показы российских фильмов с дубляжем на фарси, выставки российских художников и иные культурно-массовые мероприятия, чтобы молодое поколение Ирана расширяло горизонт своих знаний о северной дружественной стране.

Надо помнить, что Россия и Иран – это две страны-цивилизации, у которых схожего гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Вопросы нашей идентичности будут подробно обсуждаться 18–19 мая в Казани на форуме «Россия – Исламский мир», где мы будем говорить о том, как наши цивилизации включены друг в друга, хорошо дополняют друг друга, потому что основываются на традиционных человеческих ценностях, таких как крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимное уважение, историческая память и преемственность поколений. Убежден, что именно наше сближение в человеческом плане, наше гуманитарное сотрудничество может стать лучшим коллективным ответом российского и исламского мира на ценностный вызов современности.

Еще одно ключевое направление нашего сотрудничества – это евразийская интеграционная повестка. Мы высоко ценим интерес иранской стороны к Евразийскому экономическому союзу. Вступившее в силу в 2019 году временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с ЕАЭС, то есть Евразийского экономического союза и Ирана, уже позволило нам удвоить взаимный товарооборот с 2,4 млрд. долл. в 2019 году до 5 млрд. долл. в 2021 году. Это притом, что товарный охват этого временного соглашения ограничи-

вается минимальным набором сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Сейчас государства-члены Евразийского экономического союза и Иран находятся на завершающей стадии подготовки к подписанию полноценного, полномасштабного соглашения о свободной торговле. Таким образом, ЕАЭС станет первым внешнеторговым партнером Ирана, с которым будет создана всеобъемлющая зона свободной торговли. Это соглашение позволит нашим странам реализовать высокий потенциал развития торговли за счет эксклюзивности предоставляемых друг другу преференций и высокого уровня защищенности наших рынков при торговле с другими партнерами. Выгоды, которые наши страны получают от этого соглашения, имеют очень значительный размер и важное системное значение для наших экономик: мы открываем наши рынки и производство друг другу, и от этого выигрывают все.

Надо отметить, что и ЕАЭС становится сегодня ведущим интеграционным объединением на Евразийском континенте, где достигнута наибольшая глубина экономической интеграции.

У нас созданы или сейчас создаются общие товарные и сервисные рынки, на всей территории Союза обеспечено свободное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, достигнут опережающий рост взаимной торговли всех государств – членов ЕАЭС. Мы достигли один из самых низких уровней безработицы, в значительной степени обеспечили продовольственную и энергетическую безопасность своего региона, стремимся к достижению технологического и финансового суверенитета, к развитию промышленной кооперации. Планомерная совместная работа по этим направлениям будет способствовать становлению Евразийского экономического союза, как мощного, самостоятельного и самодостаточного центра формирующегося многополярного мира.

ЕАЭС уже подтвердил свою роль объединяющей силы, которая служит важным источником экономической стабильности и развития всех его участников. Уверен, что благодаря взаимному сближению с Ираном экономический рост и производственная кооперация в Евразийском регионе значительно усилятся. Кстати говоря, у нас в Союзе есть такой формат сотрудничества, как получение статуса государства-наблюдателя. Этот статус не накладывает на страну никаких обязательств, кроме одного – воздерживаться от публичной критики Союза, зато обеспечивает целый пакет прав: право участия в мероприятиях на уровне президентов, глав правительств, вице-премьеров, возможность назначить представителя государства-наблюдателя при Евразийской комиссии, и этот человек может работать в Москве или в своей столице, запрашивать и получать все рабочие документы, которые разрабатывает и принимает Евразийская экономическая комиссия. То есть этот формат наблюдательства позволяет стране своими глазами видеть процессы, которые происходят внутри ЕАЭС, в том числе процессы выработки и принятия решений в рамках Союза. Разумеется, это дополнительная хорошая площадка для диалога высокого уровня со всеми государствами, которые входят в Союз.

Помимо ЕАЭС есть еще один значимый интеграционный формат Евразии. В сентябре 2022 года по итогам саммита в Самарканде Исламская Республика Иран стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества. Вступление Ирана в ШОС, которое Россия последовательно поддерживала, не только укрепит систему безопасности в Центральной Азии и Персидском заливе, но и расширит экономические связи, и будет защищать наши страны от санкционных ударов, которые без всякого сомнения будут только усиливаться в ближайший год, два или три. При этом надо помнить, что ШОС сегодня – это уже 60% территории Евразии, 40% населения планеты

и 25% глобального ВВП. Круг желающих вступить в эту организацию ширится. Таким образом, образуется еще один самодостаточный, самостоятельный и мощный центр устойчивого роста кооперации мира и развития в Евразии. Интеграционные процессы в формате ЕАЭС и ШОС дают нам надежду на то, что Евразийский макрорегион действительно станет зоной устойчивого развития и кооперации самостоятельных центров силы, поддерживающих и дополняющих друг друга.

М.А. Баранов,

заместитель директора Второго департамента Азии МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса
(Россия)

Министерство иностранных дел России со своей стороны готово и впредь оказывать самое активное содействие в продвижении двухсторонних контактов по линии экспертного и академического сообщества. При этом мы рассматриваем такой диалог в качестве одной из ключевых составляющих – формирование эффективного внешнеполитического курса и налаживание устойчивого взаимодействия, выгодных связей с дружественными, конструктивно настроенными к России государствами. Очевидно, что Исламская Республика Иран относится к числу именно таких партнеров. Как уже отметил уважаемый господин Посол К. Джалали, подходы наших стран по большинству ключевых проблем региональной и международной повестке дня близки или совпадают.

Москва и Тегеран исходят из императива соблюдения общепризнанных норм международного права, укрепления центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций, построения справедливой и рациональной мировой финансово-экономической системы, глобальная архитектура которой базируется на многополярном мироустройстве. Россия и Иран последовательно выступают за соблюдение принципа неделимости и безопасности, против незаконных, принудительных односторонних мер в отношении независимых государств, а также вмешательств во внутренние дела.

Мы признательны руководству Ирана за взвешенную позицию по Украине, понимание истинных при-

чин кризиса, которые кроются в экспансионистской политике США и НАТО на постсоветском пространстве.

Со своей стороны хотел бы отметить, что российско-иранские отношения, о которых мы сейчас говорим, то есть отношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, – это всего лишь небольшой кусок на протяжении 500-летней истории отношений между нашими странами.

Несмотря на все перипетии нашей совместной летописи, этот 500-летний период, я думаю, наши страны всегда осознавали значимость обоюдодовыгодного сотрудничества между нами и его влияния на стабильность в регионе. Сегодня Исламская Республика Иран не только наш близкий сосед, с которым мы поддерживаем многоплановые связи, но и важный единомышленник на международной арене и в региональных делах. Необходимо отметить, что и на пространстве СНГ Россия и Иран традиционно выступали партнерами, и здесь накоплен определенный позитив.

Благодаря конструктивному взаимодействию Москвы и Тегерана удавалось сообща находить выход из некоторых горячих конфликтов, которые вспыхивали на территории бывшего СССР. Достаточно вспомнить, что именно Россия и Иран были гарантами заключения Соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, которое привело к окончанию кровопролитной гражданской войны в этой постсоветской республике. А также следует отметить, что сейчас Россия и Иран принимают активное участие в консультативной региональной платформе «3 + 3» для стран Закавказья, куда помимо этих стран входит также Турция и три государства Закавказья (Армения, Азербайджан и Грузия).

Мы намерены и далее тесно координировать усилия с иранскими друзьями в интересах обеспечения мира и стабильности на нашем большом Евразийском континенте. В этом контексте мы придаем приоритетное

значение вступлению Ирана в ШОС, укреплению его интеграционных связей с ЕАЭС, о чем говорил предыдущий докладчик, а также развитию надежных транспортных маршрутов, в том числе, как было обозначено, Международному транспортному коридору «Север – Юг», часть которого проходит, в том числе, и через территорию Ирана.

Доктор Мохаммад Хасан Шейхольэслами,

директор Института политических и международных исследований
МИД Исламской Республики Иран
(Исламская Республика Иран)

Во имя Бога Милосердного мне бы хотелось бы сказать свое мнение по поводу концептуальных аспектов развития ирано-российских отношений, в том числе рассказать вам о тех вопросах, с которыми мы сегодня сталкиваемся в университетской среде, в научно-исследовательских институтах Ирана относительно качественного скачка в отношениях между нашими двумя странами. Тема нашей конференции – это сотрудничество между Ираном и Россией в меняющемся мире. Позвольте мне тоже начать именно с этого слова.

Несмотря на очень длительные исторические связи между нашими странами, которые имели очень много взлетов и падений, конечно же, отношения в современном периоде восходят к пониманию каждой стороной того, что заложено в слово «изменение». Непременно, если у нас будет общее понимание слова «изменяющийся мир», я имею в виду общее понимание между представителями элиты и учеными, если будет общее понимание меняющегося мира, это приблизит реализацию нашей общей политики и общих подходов. Если в этом понимании будет разногласие, то будет большая вероятность, что и в реализации наших подходов к политике мы столкнемся с проблемами. Самое главное – это общность в понимании того, что происходит в сегодняшнем мире в его сути.

Я хотел бы отметить пять составляющих, которые касаются именно изменений, происходящих в международных отношениях, а потом для каждой из этих

составляющих я затрону тот вопрос, который затрагивается в научном сообществе Исламской Республики Иран. Я надеюсь, что в течение дня мы сможем найти на эти вопросы ответы.

Первое изменение – это изменение в самой концепции сил международной политики. Вы очень много слышали о мягкой силе, о жесткой силе или о совмещении этих сил, которые сейчас затрагиваются в системе международных отношений. В связи с опытом, который сегодня испытывают Иран и Россия, еще есть одна сила, которую мы называем когнитивной. Как раз когнитивная сила указывает на доминацию других стран, а также на те процессы, при которых происходит понимание тех или иных изменений, происходящих на глобальном уровне. Существует такое мнение в научном сообществе Ирана, что есть дефекты в общем понимании Ирана и России о той когнитивной силе, которая сегодня складывается в мире.

Россия не была успешной в войне версий, касаясь возникновения кризиса на Украине, а Исламская Республика Иран сейчас сталкивается с полноценной войной, касаясь тех социальных и политических событий, происходящих в нашей стране. Поэтому отсюда возникает вопрос: какие у нас есть возможности именно для расширения российских отношений в сфере когнитивных отношений или еще ниже, в области публичной дипломатии, а также развитие отношений между нашими народами.

Вторая составляющая этого концепта изменений, мне кажется, что это передача силы от Запада на Восток. Как раз в выступлении нашего уважаемого коллеги был отмечен данный момент. Есть очень много свидетельств о том, что сила как раз переносится с Запада на Восток. В соответствии с отчетом Международного валютного фонда до 2028 года из 20 наиболее развитых экономических держав мира 7 экономических мощных стран будут находиться на Востоке.

Еще один очень практичный вопрос, который затрагивается в научных кругах Ирана, его очень горячо обсуждают, – это совместное понимание Ирана и России позиции Китайской Народной Республики по поводу передачи силы от Запада на Восток. Нам очень важно понять данную политику КНР, нам хотелось бы узнать их оценку и хочет ли Китай намерено или непреднамеренно вступить в противостояние с западной политикой.

Третья составляющая – это появление новых держав и их влияние на международную региональную политику, а также на внутривластные процессы, происходящие в тех или иных странах. Поэтому сейчас обращается особое внимание на регионализм, на появление новых игроков в регионе. В связи с этим затрагиваются вопросы в Иране: какова будущая картина таких региональных организаций, как Шанхайская организация сотрудничества или БРИКС, куда недавно Иран заявил о своей заинтересованности присоединиться? Иран и Россия, какие инструменты, какую политику они должны включить в свою повестку дня для наилучшего использования подобных региональных организаций?

Четвертая составляющая – это текучесть региональных союзов и коалиций в нынешних условиях. Те, которые поддерживают западный взгляд, говорят, что в переходном периоде снижаются стабильность и устойчивость тех или иных региональных организаций. С одной стороны, конечно же, ведущие державы, крупные страны стараются именно в переходном периоде создавать те или иные организации, которые, в конечном счете, принесут им выгоду от их создания.

С другой стороны, другие игроки, конечно же, сконцентрируют свое внимание на сохранение своей безопасности и стараются выживать в данных переходных условиях. Поэтому разница в таких взглядах, разница в тех переживаниях, обеспокоенности, кото-

рые они испытывают, как раз приводят к снижению устойчивости и стабильности подобных региональных организаций. Поэтому затрагивается такой стратегический вопрос – сближение Китайской Народной Республики, Индии и России это в сторону создания мощного Востока и противостояния с НАТО и Западу в целом, который придаст устойчивый характер региональным коалициям и интеграциям или это переходящий союз, основанный на текущих условиях?

Пятая составляющая – это развитие технологий и их применение в различного рода конфликтах и войнах. Отсюда возникает очень важный вопрос. Какие есть у нас возможности для сотрудничества в области технологий между нашими странами, в том числе по искусственному интеллекту, и их применению на деле? Институт международных и политических исследований при Министерстве иностранных дел Исламской Республики Иран за последние годы реализовывал очень много проектов по применению технологий во внешней политике, в том числе по искусственному интеллекту. Мы очень заинтересованы в подобного рода сотрудничестве с аналогичными институтами России.

В.В. Наумкин,

научный руководитель Института востоковедения РАН,
академик РАН, профессор, доктор исторических наук
(Россия)

Спасибо за предоставление мне возможности участвовать в этой замечательной конференции и вспомнить первые наши шаги, когда мы начинали сотрудничать с Институтом политических и международных исследований МИД Ирана. Это было самое начало 90-х годов, когда мы начали проводить «круглые столы». Группа моих единомышленников были очень горды тем, что путем продвижения этих проектов был Константин Федорович Затулин, который начал активно с нами сотрудничать. Я помню нашу первую поездку в Иран, тогда это было в новинку для нашей страны и для российской интеллектуальной элиты, в которой, не скрою, были люди, которые скептически относились к нашему сотрудничеству. С иранской стороны это были люди, которые находились в плену каких-то старых представлений о России, унаследованных от прошлых веков. Эти проблемы успешно стали преодолеваются, благодаря нашей совместной политической воле. С российской стороны тогда были люди, которые пытались тормозить это взаимопонимание по идеологическим соображениям, но они давно уже купаются в Атлантике (живут за границей), поэтому в современной российской элите таких людей уже давно нет. Они большего не заслуживают. Мы будем купаться на южных берегах в Иране.

Я хотел бы, прежде всего, поблагодарить за то, что в этой замечательной конференции участвуют наши коллеги из Ирана, которых мы давно знаем. Очень при-

ятно познакомиться с новым директором Института политических и международных исследований МИД ИРИ, с уважаемым доктором Шейхольэслами.

Дальше хочу перейти к некоторым моментам, о которых я хочу сказать очень коротко. Поскольку я всегда ложку дегтя добавляю в огромную бочку меда, которая здесь неизбежно существует. Я бы хотел сказать, что когда мы совершенно справедливо подвергаем остракизму наших западных «партнеров», сближающих нас настолько этими тупыми санкциями, давлением и всем остальным, и об этом можно долго говорить. Но я хотел бы сказать, что может быть не стоит сейчас так, как некоторые наши коллеги делают, пенять все на глобализацию.

Мне кажется, что нам не нужно так нападать на глобализацию, на глобализм агрессивный, который используется для подавления суверенитета, стремлений государств к независимой политике, стремлений государств к интеграции. Последнюю мы сегодня видим в сопряжении наших интересов с интересами других государств, прежде всего в Азии и в том числе дружественного нам Ирана.

Мне кажется, что задача состоит в том, чтобы, учитывая неодолимость процесса глобализации, как такового, его перехватить у Запада. Не уничтожить его, а перехватить. Мы иногда забываем, что сегодня начинаем обладать такой силой, что мы можем перехватывать эти проекты, которые хотят повернуть против нас. Мы их должны повернуть против наших противников. То неодолимое стремление мирового большинства, особенно стран Азии, Африки и Латинской Америки, которое противостоит попыткам превратить глобализм в неоколониалистский проект. Вот это сегодня должна быть задача, которую мы можем совместно с нашими иранскими друзьями реализовать.

Об экономическом сотрудничестве. У нас в Институте работает подразделение, которое занимается

Ираном, и здесь находится моя коллега, профессор Н. Мамедова. Она занимается экономикой Ирана и нашими двухсторонними связями. Это говорит о том, что сегодня перед нашими иранистами зеленая дорога открыта на любые исследования. Нет никаких преград к тому, чтобы этот интеллектуальный порыв, который всегда существовал в России в отношении Ирана, чтобы этот порыв превратить сегодня в конкретное действие и помочь практикам. Последние здесь присутствуют и поддерживают подобные инициативы.

Не буду перечислять те корпорации, которые начали бурно работать в Иране. Я вспоминаю те времена, когда товарооборот был настолько не большим, что даже стыдно было об этом говорить. И сегодня он по-прежнему уступает объему нашей политической близости и связей. Но тем не менее уже не стыдно о нем говорить. Я уверен, что он будет развиваться и наши совместные действия по противостоянию этому санкционному давлению.

Я уже не говорю о попытках рассорить нас. Они обречены на провал благодаря тем успехам, которых добивается Россия в проекте «Большая Евразия». А наши иранские друзья в собственных проектах на фоне договоренностей, которые были достигнуты между Исламской Республикой Иран и Королевством Саудовская Аравия. Последнее свидетельствует об укреплении позиции Ирана на Ближнем и Среднем Востоке.

Наверное, у каждого государства, в том числе у России и Ирана, есть своя повестка и свои проекты. Если мы сегодня говорим о многополярном или, как наши ученые любят говорить, полицентричном мире, то нужно заметить следующее. Наши китайские партнеры (уважаемый доктор Шейхольслами говорил о необходимости учитывать китайскую повестку), близкие стратегические партнеры, которые участвуют в проекте стратегического всеобъемлющего партнерства, говорят иначе.

Акцент, который был сделан Председателем КНР Си Цзиньпином на XX Съезде Коммунистической партии Китая, употреблял термин «многосторонность». Немножко другой акцент. Это хорошо, что каждое крупное, мощное государство, как Китай, второй сегодня в мире по численности населения (первое место стала занимать Индия, там уже 1 млрд. 429 млн. чел.). Мы говорим о меняющемся мире. Пожелаем, чтобы мы учитывали интересы каждого. Мне кажется, что политика России на этом основана, что каждый имеет право на то, чтобы отстаивать свои интересы, свои ценности. Та общность ценностная, которая нас объединяет, в том числе Иран и Россию, и наших партнеров, таких как Китай и Индия. Она крупнее и важнее любых мелких разногласий и нюансов.

Д.А. Алексеев,

начальник Управления международных проектов за рубежом
Акционерного общества «Российские железные дороги»
(Россия)

Должен сказать, что для «Российских железных дорог» сотрудничество с иранскими железнодорожниками всегда было и остается одним из ключевых приоритетов нашей деятельности. Такое сотрудничество всегда развивалось в духе добрососедства и уважения к интересам друг друга. Сегодня с учетом необходимости переориентации экспортно-импортных потоков на Юг и на Восток нами делается еще больше для развития транспортно-логистических связей. Я подготовил немного статистики по результатам нашей работы за прошлый и этот год.

За 2022 год в целом перевозки по всем ветвям МТК «Север – Юг» увеличились на 61% по сравнению с 2021 годом. Особенно отметил бы рост контейнерных грузов – это 188%, 22,5 тысячи ДФЭ за 2022 год. За первый квартал этого года рост уже в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Надо отметить, что хороший рост показывают все ветви МТК, а их три – Восточная ветвь, Транс-Каспийский маршрут и Западный маршрут, над развитием которого мы сейчас активно работаем. На Западном маршруте рост составил 39% в прошлом году по сравнению с 2021 годом. Восточный маршрут – в 76 раз. Абсолютных значений пока не так много, там 79 тысяч тонн грузов, но тем не менее, маршрут активно развивается. Надо отметить, что мы запустили регулярный контейнерный поезд по Восточному маршруту. Пока это единичные отправки, но по мере роста грузовой базы рассчитываем, что

в течение этого года выйдем на еженедельную отправку такого поезда.

Организованы тестовые перевозки минеральных удобрений в Индию, опять же по Восточному маршруту через Серахс в Иран. Работаем над отправками металлургической продукции, опять же через территорию Ирана в Объединенные Арабские Эмираты, в Турцию и другие страны. Ведем работу и по тарифным условиям. В целом они уже согласованы, но есть еще над чем работать, и с заинтересованными министерствами работаем над возможностями субсидирования экспортных поставок российских товаров по маршруту МТК Север-Юг.

Немаловажное значение имеет развитие инфраструктуры МТК. Ключевым вопросом нашей стороны является Западный маршрут, возможность нашего железнодорожного пропуска в Самур. Сейчас реализуется проект развития железнодорожного пункта-пропуска Дербент со строительством новой станции Самур-2. Это позволит увеличить пропускную способность до 15 млн. тонн к 2025 году и к 2030 году до 20 млн. тонн. Мы видим готовность иранских железных дорог принимать грузы и в 20 млн. тонн. Достигнуты договоренности по Западному маршруту. Есть готовность принимать большие объемы грузов и на Восточном маршруте. Я уверен, что именно в этой парадигме наши отношения и будут дальше развиваться с иранскими железнодорожниками.

Е.М. Кожокин,

профессор кафедры международных отношений
и внешней политики России МГИМО (У) МИД России,
доктор исторических наук
(Россия)

Я в своем кратком выступлении хотел бы также остановиться на вопросах развития МТК «Север – Юг», так как в нынешних условиях, которые мы переживаем, когда фактически тот санкционный режим, который введен против нашей страны, против Ирана Соединенными Штатами, Европейским союзом, это можно квалифицировать как экономический терроризм. И в этих условиях этот маршрут является совершенно исключительным, потому что значительная его часть абсолютно неподконтрольна нашим западным «друзьям». И с этой точки зрения, так как наша конференция, вне всякого сомнения, имеет характер научно-практический, не просто академический, я хотел бы обратить внимание на некоторые вопросы, которые требуют нашего совместного решения.

Тем более, что этот маршрут задумывался как маршрут, прежде всего, трех стран: России, Ирана и Индии. Он успешно функционирует на сегодняшний день, прежде всего, как маршрут Россия – Иран. Мне кажется, что сейчас это наша общая задача привлечь на эти транспортные пути наших индийских партнеров. Потом, конечно, не только индийских партнеров, я думаю и про Пакистан, для которого тоже представляет интерес этот маршрут, учитывая, что Исламабад тоже в этих условиях занял достаточно конструктивную позицию в отношении нашей страны.

Не буду сейчас говорить про железнодорожные маршруты, а остановлюсь коротко на морском пути.

Россия имеет на Каспии на самом деле 14 портов, а с юридической точки зрения в Астрахани у нас 12 портов. А также у нас имеется порт в Махачкале и в Астраханской области порт Оля. Астраханские порты и порт Оля – это замерзающие порты, но обращаю внимание, что там организована ледокольная проводка, то есть фактически они нормально функционируют и зимой. Что же касается Махачкалинского порта, то он не замерзающий. При этом Махачкалинский порт имеет особое значение ввиду возможности по перегрузке нефти. То есть имеет нефтяной терминал, который долгое время использовался нашими партнерами из Казахстана, Туркменистана для транспортировки в Махачкалу и далее по нефтепроводу в Новороссийск, и далее на мировой рынок. Мы можем подумать – и возможна консультация с нашими партнерами по изучению этого вопроса – и об определенном реверсе с тем, чтобы использовать для транспортировки российской нефти в Иран по системе СВОП. Мне кажется, этот вопрос требует осмысления.

Что же касается порта Оля и Астраханских портов, то широкий набор грузов – и генеральные грузы, и контейнерные перевозки, и опасные грузы – идут именно из них. Один из крупнейших Астраханских портов – он, кстати, так и называется, «Астраханский порт», – где 25,5% принадлежит российскому государству, но это предприятие российско-иранское. И если мы посмотрим совет директоров, то там два члена совета директоров россияне, семь иранцы.

Что касается Махачкалинского порта: да, незамерзающий, модернизирующийся, но все дело в том, что с открытым морем его связывает достаточно узкий канал, на сегодняшний день уже достаточно перегруженный. С этой точки зрения нам, конечно, нужно думать об обсуждавшемся уже вопросе строительства терминалов в районе Каспия, что позволит значительно увеличить пропускную способность наших портов. Мне

представляется, что мы переживаем момент – не то, что вот сейчас у нас конфликт на Украине тяжелый, сложный – он завершится, и мы вернемся к какому-то миру, но не тому, что был до этого конфликта.

Мое глубокое убеждение, что в тот мир мы уже не вернемся и нужно исходить из того, что вот этот разворот на Восток и на Юг России – это разворот не конъюнктурный, а стратегический. И действительно, то, что говорил Константин Федорович Затулин о том, что мы хотим для других стран, чтобы они были независимыми и сохранили свое лицо, но прежде всего, мы думаем, чтобы мы оставались независимыми и сохраняли свое лицо. Почему у нас сейчас глубокий интерес и уважение к Ирану, потому что Иран на протяжении длительного времени отстаивает именно свою независимость во всех сферах.

Скажу еще два слова. Насколько мне известно, средние и мелкие индийские компании проявляют все больше интереса к этому маршруту. Тут тоже нужно подумать о каких-то совместных усилиях, чтобы какой-то дополнительный импульс им послать, так как давление на Индию оказывается исключительное. Лоббистские группы, к сожалению, в этой стране действуют в пользу Запада и за Индию нам предстоит бороться. Это великая держава, всегда имеющая понимание своего места в мире. Но, учитывая ее и геополитическую ситуацию, и пока сохраняющееся недоверие в отношении Китая, и это нужно видеть, и нам в Азии, имеющиеся недопонимания и застарелые конфликтные зоны – вот это нам сейчас, как никогда, нужно преодолевать.

Ну и в завершение хочу сказать, что то, что сказал уважаемый директор Мохаммад Шейхольэслами о когнитивной силе, это я рассматриваю, как домашнее задание: подумать, как мы тут можем сотрудничать. Одна вещь, мне кажется, лежит на поверхности. Знаете, я как-то выступал в вашем институте и мне стали задавать вопросы о нашей стране. Обсуждение все шло

на английском языке. Понятное дело, интернациональный язык. А я потом сам задал, говорю: «Слушайте, вот вы задаете вопросы и у меня иногда создается впечатление, что я не в Тегеране, а в Лондоне». Они говорят: «Ну а что ты хочешь? Мы информацию черпаем из Интернета в значительной степени, соответственно – из англо-саксонских источников. Оттуда такие вопросы». И с этой точки зрения, мне кажется, сейчас нам нужно подумать, чтобы в России гораздо больше изучали фарси, а в Иране гораздо больше изучали русский, потому что мы обладаем, каждая из стран, значительной когнитивной силой, но надо друг про друга знать про эту когнитивную силу.

В.Г. Карслиева,

заместитель исполнительного директора Фонда поддержки
публичной дипломатии им. А.М. Горчакова
(Россия)

Во-первых, хотела бы вас поблагодарить за приглашение на вашу конференцию.

Помимо того, что я не только заместитель исполнительного директора в Фонде поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, но и руководитель Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова. Почему хотела это обозначить – потому что в Центре им. Е.М. Примакова мы два года назад переформатировали всю работу и стали заниматься Ближним и Средним Востоком целенаправленно, где Иран является одной из приоритетных наших стран, и мы стараемся выстроить эти взаимоотношения.

Хотела бы сказать, чем же мы занимаемся и какова наша основная цель – это создать комьюнити общества молодых экспертов и научных сотрудников, для того чтобы через много лет было кому сменить уважаемых коллег за этим столом. Чтобы они перенимали опыт и сразу же входили в экспертное сообщество. Собственно, это основная цель центра Примакова и фонда Горчакова.

Мы с коллегами, присутствующими здесь, уже много лет работаем, и я надеюсь, что наша работа в рамках Центра им. Е.М. Примакова и Фонда им. А.М. Горчакова будет способствовать дальнейшему углублению нашего взаимодействия. Могу сказать, что с прошлого года мы по всем нашим направлениям интегрируем коллег из Ирана. Конечно, небольшой фронт работы, но нам кажется, что он должен быть намного интен-

сивней и системней. И я надеюсь, что благодаря таким мероприятиям мы будем заводить новые контакты и связи, и будем лучше и качественней работать.

Н.Н. Спасский,

заместитель генерального директора –
директор Блока международной деятельности
Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»,
посол, доктор политических наук
(Россия)

АЭС Бушер – как флагман энергетического сотрудничества России и Ирана

Российско-иранское сотрудничество представляет собой настолько масштабный и сложный комплекс и механизм, что участие парламентов двух стран в нашей общей работе – это не просто желательное условие, это реально необходимый фактор, без которого невозможно достижение результата и успеха. Я особо хочу поблагодарить организаторов за приглашение принять участие и выступить, потому что для нас это почетная возможность представить вниманию участников конференции один из флагманских проектов нашего сотрудничества. Без преувеличения, не хочу обидеть коллег из других отраслей, но поскольку я выступаю от «Росатома», позволю себе это сказать: я глубоко убежден, что это центральный проект и в прошлом, и в настоящем, и в будущем всего комплекса российско-иранских отношений.

В нулевые годы в Иране вблизи г. Бушер на побережье Персидского залива силами российских организаций был построен атомный энергоблок мощностью 1000 мегаватт. По состоянию на сегодня он выдал в энергосистему Ирана более 57 млрд. киловатт-часов

электроэнергии. Причем это действительно очень интересный проект, такой в определенном смысле стади-кейс. Начинали этот проект наши иранские партнеры еще в шахском Иране с дочерней организацией известного, чтимого немецкого концерна «Сименс», фирма называлась «Крафтверк Юнион». Но когда в Иране произошла Исламская революция, германские компании остановили этот проект на полпути. Бросили на площадке уже завезенное туда оборудование, хочу подчеркнуть, забрали всю рабочую документацию и благополучно ушли.

В российской атомной отрасли другое отношение к взятым на себя обязательствам. Мы исходим из того, что ядерная энергетика с ее много десятилетними производственными циклами, жизненными циклами и абсолютным приоритетом безопасности – это особая область. Не просто экономическая активность, а это особая область человеческой деятельности с учетом всего, что это подразумевает, и она не должна быть подвержена политической конъюнктуре. Не буду останавливаться, но как мы все понимаем, это ремарка на тему того, что сейчас происходит в мире, что мы видим нашими глазами.

Поэтому, когда в 90-е годы мы зашли в проект достройки первого энергоблока АЭС «Бушер», несмотря на все санкционные риски и все внешнее давление, мы этот проект довели до конца и в 2011 году блок был подключен к национальной энергосистеме. Причем это действительно уникальный проект. Такого в мире не было, нет и, скорее всего, никогда не будет, потому что мы интегрировали в российский дизайн немецкое оборудование, пролежавшее на площадке свыше 20 лет, причем в условиях характерного для Персидского залива климата. Что это подразумевает? Это летние температуры под 50°C, влажность воздуха за 70%, высочайшее содержание соли в воздухе и так далее. И, тем не менее, несмотря на все это, мы этот проект успешно реализовали.

И здесь, господин Посол К. Джалали, хочу особо подчеркнуть, конечно, мы его реализовали не в одиночку. В ходе этой совместной работы у нас сложились беспрецедентно тесные, в полном смысле этого слова, братские отношения с нашими иранскими партнерами и из Организации по атомной энергии Ирана, и из профильной компании по производству и развитию атомной энергии. Сейчас мы поставляем топливо для этого энергоблока, в прошлом году поставили так называемую восьмую перегрузку. Помогаем нашим иранским друзьям в сопровождении эксплуатации и в проведении так называемых планово-предупредительных ремонтов. Это наш сегодняшний день.

Теперь про наше будущее. В соответствии в межправительственным протоколом от ноября 2014 года мы сооружаем на площадке АЭС «Бушер» еще два атомных энергоблока по 1000 мегаватт. На этот раз современного российского дизайна, так называемого на нашем жаргоне поколения «3+», то есть отвечающего всем пост-фукусимским требованиям безопасности. Не скрою, стройка идет тяжело. Прежде всего, потому что Иран, как и Россия, также находится под жесточайшими западными санкциями. Тем не менее, мы уверены, что общими усилиями мы достроим этот блок. При этом мы самым строгим образом соблюдаем все международные обязательства по ядерному нераспространению, все релевантные резолюции Совета безопасности ООН, все положения Совместного всеобъемлющего плана действий, участником которого Россия остается.

Что реализация этого проекта будет означать для общей системы стратегического партнерства между нашими странами? Атомные энергоблоки такой конструкции имеют плановый срок эксплуатации 60 лет с возможностью продления еще на 20 лет. Вот, коллеги, представьте: примерно 10 лет стройки, 80 лет эксплуатации, 10 лет вывода из эксплуатации до «зеленой лужайки». Это мы очень серьезно заходим в XXII век.

И плюс на протяжении всего этого срока мы совместно обеспечиваем сопровождение эксплуатации, мы поставляем топливо, мы участвуем в подготовке кадров и так далее.

Это будет мощнейший вклад в зеленую повестку, потому что без атомной энергетики, если говорить серьезно, она не реализуема, и конечно, это будет гарантия энергетической безопасности дружественной нам страны, Исламской Республики Иран, на горизонте многих и многих десятилетий. Дальше. Атомная энергетика – это не только про выработку электроэнергии. Это такой упрощенный, спрямленный взгляд. Атомная энергетика – это и очень серьезные налоговые поступления в бюджет страны, и локализация современных производств, и развитие сопутствующих инфраструктур, и создание новых рабочих мест, подготовка и переподготовка разных кадров, инженерных, управленческих, и многое-многое другое.

По существу – и вот здесь мы подходим к центральной теме сегодняшней конференции – по ходу сооружения и эксплуатации этих новых атомных энергоблоков в эту работу в обеих наших странах будут вовлечены десятки тысяч чел., прежде всего молодых. То есть по существу речь идет о формировании человеческого потенциала и стратегического резерва для развития партнерства между нашими странами на горизонте целого столетия.

Плюс в проработке у нас еще целый ряд перспективных проектов и по атомным энергоблокам малой мощности, и по исследовательским реакторам, и по Токамакам, и по комплексу научных исследований. И понятно, что имея столь серьезные планы – и тем мы и отличаемся от других уважаемых отраслей, и даже от военно-технического сотрудничества – при таких планах, при таких масштабах длительности, сложности, мы заинтересованы в поддержке нашей работы не только правительствами, не только парламентами, не

только политическими элитами, мы заинтересованы (для нас это жизненно важно) в понимании со стороны широких слоев населения, потому что иначе просто не получится, тем более в нынешние времена.

Коллеги, тема сегодняшней конференции звучит как «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире». На мой взгляд, очень правильная, четкая формулировка. Атомная энергетика тоже меняется, конечно меняется, но остается неизменным значение нашего сотрудничества, как одного из главных локомотивов для развития всего комплекса российско-иранских стратегических отношений. Госкорпорация «Росатом» осознает свою ответственность перед правительствами и народами наших двух стран, и поверьте, это не звонкая фраза, это действительно так, потому что мера ответственности очень серьезная, и мы сделаем все от нас зависящее для решения поставленных задач.

СЕКЦИЯ 1.
Геополитические и военно-политические
аспекты российско-иранского сотрудничества
в Евразии

С.Г. Лузянин,
профессор МГИМО (У) МИД РФ,
профессор Факультет мировой экономики и мировой политики
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
доктор исторических наук
(Россия)

**Россия – Иран – Китай:
новая система стабильности и безопасности
«неамериканского мира»**

Тема моего выступления обозначена как «Россия, Иран, Китай – новая система стабильности и безопасности в «неамериканском мире», термин берется в кавычках. Я хотел бы несколько вводных теоретических моментов дать в постановочном таком плане по самому термину. Во-первых, термин «неамериканский мир» пока носит такой публицистический характер, но пришло время его такого экспертно-аналитического наполнения. Я обозначу три момента по этому, условно говоря, наполнению.

Во-первых, термин возник и развивается в условиях деглобализации, в условиях небывалой конфронтации и конфликтности США, их союзников и стран Юга глобального, не Запада. И конечно, в условиях цивилизационных столкновений, ценностных столкновений западных ценностей и незападного мира. Другими словами, этот термин синоним термину более известному – «глобальный Юг» или «глобальное большинство».

Во-вторых, границы этого понятия не фиксированы, они подвижны, просматривается тенденция их

расширения и можно сегодня говорить о некоторой институализации процесса. Это, конечно же, ядро – ШОС плюс желающие вступить, и БРИКС +. И третье вводное замечание: очевидно, конечно, что эта зона неамериканского мира не свободна от американского системного агрессивного влияния. Причем уже прошло время методик только «бархатных» революций, сегодня вот это американское давление и их союзников очень диверсифицировано, разнообразно. То есть, есть военный сегмент – эскалация Украины, есть тайванский сегмент – попытка развязать азиатский фронт, есть финансово-долларовый сегмент создания гигантских долларовых пирамид на фоне дедолларизации, и есть ценностно-идеологический фронт вот этого мира, где идет хорошо всем известная борьба, включая западные все эти агрессивные, бесовские «проекты».

В этих условиях, конечно, особое значение приобретает взаимодействие трех стран: России, Ирана и Китая. Какова роль этих трех стран вот в этом, условно, неамериканском мире? Мы хорошо знаем опыт официально оформленной структуры РИК – Россия, Индия, Китай – которую сегодня уже упоминали коллеги, инициированной в свое время великим российским политиком и ученым Евгением Максимовичем Примаковым. И эта структура РИК существует, там есть свои плюсы, сильные стороны, несомненно, евразийская кооперация, инвестиционный потенциал, но есть и проблемы определенные. Вы хорошо их знаете, это двусторонний китайско-индийский формат, включая некоторые территориальные вопросы и ряд других. Проецируя опыт РИК на нынешнюю структуру, не оформленную и пока не институализированную, Россия-Иран-Китай, я бы хотел отметить, что с позиции качества двухсторонних форматов Россия – Иран – Китай, а их три – Россия – Иран, Иран – Китай и Китай – Россия – вот с позиции этого очень высокого уровня каждой двусторонней модели можно говорить, что

таких деформирующих факторов вот в этой структуре Россия – Иран – Китай нет.

Наоборот, каждый двусторонний формат стимулирует и работает на трехстороннюю кооперацию. Если условно структурировать вот это российско-ирано-китайское взаимодействие, я бы выделил четыре направления или четыре ключевых элемента. Их конечно больше, но ограничимся четырьмя. Первый, самый сегодня важный, особенно для России в условиях проведения специальной военной операции – это, конечно же, военно-стратегическое и военно-техническое сотрудничество Москвы, Тегерана и Пекина. Все хорошо знают, что недавно закончились успешные военно-морские учения трех стран в Аравийском море (15–19 марта 2023 года), завершившиеся в иранском порте Чабахар. Также все хорошо знают, что Россия сняла все ограничения на поставки в Иран системы С-300. Не в этой аудитории говорить, все прекрасно представляют, какого высокого уровня достигли Россия и Китай на военно-стратегическом и военно-техническом формате, включая недавний визит 17–19 апреля министра обороны Китая Ли Шанфу в Москву.

И, кстати говоря, и китайско-иранское направление тоже существует и активно развивается. Китай активно помогает Ирану в создании военно-морского флота, и есть ряд соглашений между Ираном и Китаем, которые вытекают из очень прорывных соглашений Китая и Ирана, подписанные 27 марта 2021 года, которые называются «Всеобъемлющая программа сотрудничества между Исламской Республикой Иран и Китайской Народной Республикой». Там есть соответственно и эти части. Понятно, что все эти треки военные, они чувствительные, они закрытые, это очевидно, исходя из характера этого сотрудничества. Но сегодня и российско-иранское военно-техническое сотрудничество, и российско-китайское для России имеет особенно важное значение, не мне вам говорить почему.

Второй сегмент – это международная региональная кооперация трех стран, относительно новый формат в том смысле, что специфика этого направления связана с тем, что Россия, Иран и Китай, решая или помогая решать в горячих точках проблемы, привлекают двух, трех или одного ключевого игрока.

Яркий пример – привлечение Россией, Ираном и Китаем Пакистана, и проведение блестящего самаркандского формата по Афганистану, самаркандской четверки Россия-Иран-Китай-Пакистан по афганскому процессу. Это отдельная большая тема, я сейчас не хочу о ней подробно говорить. Кстати говоря, и по Сирии тоже, Турция, Сирия плюс Иран и Россия, и так далее. Но главное здесь не эти макрорегиональные вещи, а главным здесь является интеграция Ирана в ШОС. Это совершенно прорывной момент и именно международная региональная часть здесь, конечно же, имеет колоссальные перспективы, как собственно и интеграция Ирана в БРИКС. Таким образом, это направление только-только развивается.

Третий сегмент, о нем уже говорили уважаемые докладчики, это энергетическое трехстороннее сотрудничество. Я здесь просто добавлю в развитие уже сказанного, что в условиях западных санкций против России и Ирана тоже до этого, и частично Китая, но особенно против России, российская углеводородная стратегия приобретает все более китайский характер, колоссальный рост наблюдается, мы это видим. За прошлый год 45,3% рост углеводородного экспорта, за первый квартал только этого года 37,1%.

Одновременно развивается российско-иранский энергетический трек. Причем мы знаем, что еще в октябре 2022 года было подписано соглашение о поставках в Россию 40 газовых иранских турбин для ТЭЦ. Одновременно прорабатывается сегодня вопрос о Своповых поставках газа с подключением к российско-иранскому формату Туркменистана, ну и каспийские все эти про-

екты хорошо известные. И в этой же энергетической части, конечно, очень сильный ирано-китайский энергетический формат, кооперация. Опять же я отсылаю вас к 2021 году, к мартовскому пакету соглашений на 25 лет инвестиционным, там на 400 миллиардов долларов, и в этом пакете, конечно, большая часть именно углеводородных энергетических опций.

Кстати, вот это посредничество Китая по восстановлению отношений Саудовской Аравии и Ирана – это тоже позитив и работает на углубление энергетической кооперации в целом регионе, и в том числе Тегерана, Пекина, России и других стран. Резюмируя вот эту промежуточную энергетическую часть, хочу сказать, что все три стороны – Китай, Россия и Иран – одинаково заинтересованы в энергетическом «союзе» и конкурировать между собой им нет смысла.

И четвертое направление – это транспортное взаимодействие трех стран. Тоже об этом уже говорили, повторяться не буду. Конечно, для России и Ирана стратегическим перспективным мейнстримом остается мегапроект «Север – Юг», понятно, с выходом на Индию, включая сухопутные и морские транзиты, Каспий, ну и сегодня уже для России внутреннее Азовское море. Создание новых и модернизация старых коридоров железнодорожных и автотранспортных.

Что касается российско-китайского сегмента этого направления, то здесь тоже коллеги должны хорошо знать, что уже работает система сопряжения между китайской инициативой «Один пояс и один путь» и Россией в составе Евразийского Экономического Союза – это отдельная большая тема.

А что касается китайско-иранских дел, здесь тоже после 2021 года, после подписания китайско-иранских соглашений новое качество приобрела реализация китайской инициативы «Один пояс и один путь» с выходом через Центральную Азию на Иран вплоть до Турции, Восточной Европы. Мы хорошо знаем, что для

Китай Иран очень важен для развития сухопутных коридоров от Персидского залива до Черного моря и Европы. То есть фактически этот транспортный сегмент набирает силу, но он перестраивается, он обновляется с учетом внешних вызовов, о которых мы уже говорили. То есть вот эти четыре компонента – военно-политический, международно-региональный, энергетический и транспортный – они, конечно, важны, но понятно, что есть еще ряд опций, которые, я уверен, будут затронуты на сессиях. Это и торговля, это инвестиции, это высокие технологии, космос, это гуманитарная сфера и многое другое.

Но очевидно, что и политически, и экономически Россия, Иран и Китай составляют некое «ядро» вот этого неамериканского мира, ну или как бы ударный такой «отряд» в деле отстаивания многополярной справедливой международной системы. Фактически это залог и стабильность в Евразии и в мире в целом. И здесь я хотел бы два слова сказать о перспективах трехстороннего сотрудничества России, Ирана и Китая.

Каждая конференция имеет блок практических рекомендаций. В этой связи тоже хотел бы предложить такую практическую рекомендацию. В перспективе – совершенно очевидно, что это в интересах всех трех государств – начало процесса оформления институализации трехсторонней структуры. И в этом смысле есть опыт РИК: Россия, Индия и Китай. В свое время мы с покойным академиком Титаренко, с профессором Татьяной Шаумян из Института востоковедения, с другими индологами и китаистами разработали как бы вторую дорожку РИК экспертно-аналитическую, которая стала потом основой для уже официального формата РИК на уровне министров иностранных дел и глав государств. Формат этот, как известно, и существует. Исходя из этого опыта, предложение подумать о формировании второй дорожки Россия – Иран – Китай. Что-то уже есть в сегментах, я знаю, в академических,

в других институтах, в университетах, но может быть как-то вот это сконцентрировать и в виде вот такого проекта разработать, чтоб была основа для дальнейшего развития. Потому что в перспективе, я совершенно в этом убежден, нынешняя ситуация будет только ухудшаться, осложняться. И на региональном, и на глобальном уровне дальнейшее сближение России, Ирана и Китая, оно просто необходимо всем трем государствам. Это и сдерживание агрессивного тоже трехстороннего блока АУКУС (США, Великобритания, Австралия), это и сдерживание союза США, Япония, Южная Корея, и масса других западных форматов, враждебных нашим трем странам. Это в качестве предложения.

Суммируя, я бы хотел сказать следующее, что основное в нынешней трехсторонней повестке российско-ирано-китайского сотрудничества – это такое органичное и очень гибкое сочетание прикладных, региональных, транспортно-инвестиционных, энергетических проектов с процессами глобальной геополитической трансформации. Этот синтез даст возможность дальнейшему развитию трехсторонней кооперации и будет отвечать интересам каждой из сторон. То есть фактически в рамках российско-ирано-китайской повестки уже сегодня содержатся различные сценарии обновления нынешнего агрессивного американского мира, который был создан и который явно нам не друг.

Доктор Ширголами Халиль,

заместитель директора Института политических
и международных исследований МИД Исламской Республики Иран
(Исламская Республика Иран)

Во имя Бога Милосердного в продолжение выступления, конечно, будет предложения с обеих сторон, но то, что обе стороны должны поработать на международной арене и вместе они должны взаимодействовать... И на региональном уровне нужно, чтобы в политике было больше понимания и взаимности от Персидского залива до Средней Азии и от Средней Азии до Кавказа.

И в рамках конфликта в Афганистане, конечно, США создают для нас препятствия в сфере безопасности и пытается издали управлять своим влиянием. Конечно, сегодняшняя конференция предоставляет такую возможность, для того чтобы больше говорить об этих проблемах, обсуждать их. Но из-за того, что сейчас уже ближе к перерыву, я не буду подробно об этом говорить. И в предложении выступления уважаемого заместителя министра и директора Института политических и международных исследований хотелось сказать, что мы готовы для создания фундамента и поговорить с институтами в России. И еще раз поблагодарю всех и в продолжение выступления после перерыва подробнее поговорим.

Б.К. Султанов,

директор Исследовательского института
международного и регионального сотрудничества
Казахстанско-немецкого университета
(Казахстан)

Евразия и становление многополярного миропорядка

Я бы хотел обратить внимание на следующий момент. Нет сомнения, что ситуация в мире развивается по сценарию нарастающего противостояния между Западом с одной стороны и не Западом или цивилизациями Востока и Юга с другой стороны. В этой связи мы разделяем точку зрения председателя КНР Си Цзиньпина, который считает: «Сегодня в мире бушует менталитет холодной войны и политики силы. Некоторые страны гонятся за собственной абсолютной безопасностью путем расширения военных альянсов, разжигая противостояния и заставляя выбирать сторону. Они себя считают вершителями чужих судеб, пренебрегая правами и интересными других стран. И, если не побороть подобную тревожность к тенденции, то мир неизбежно ввергнется в хаос и беспорядки».

Поэтому в условиях таких сдвигов в мировом ландшафте, когда, по словам Си Цзиньпина, мир вновь стоит на перепутье исторического развития, существенным характером формирования многополярной системы международных отношений является укрепление потенциалов БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и Евразийского экономического союза.

Как нам представляется, наиболее приемлемой формой организации стран не Запада и ядром нового порядка может быть предложенный Си Цзиньпинем еще в 2017 году формат БРИКСХ+. И это предложение основывается на тезисе Си Цзиньпина, что БРИКС – это не какой-то замкнутый клуб или эксклюзивная коалиция, а большая семья и взаимовыгодное партнерство. Поэтому вот нам сейчас в условиях того процесса, который мы наблюдаем, необходимо сконцентрироваться на развитии вот этой вот системы не Запада. И я думаю, что вот к тем перечисленным организациям можно добавить еще и организацию Каспийского сотрудничества. Я думаю, что вот саммит Каспийского сотрудничества VI от 29 июня 2022 года принял коммюнике, в котором очень четко было заявлено, что в Каспийском море не будут присутствовать вооруженные силы, не принадлежащие прибрежным государствам.

Мы в Казахстане позитивно оцениваем тему расширения БРИКС и считаем, что БРИКС является одной из основных движущих сил роста мировой экономики. Поэтому не случайно президент Казахстана Токаев предложил вариант. Казахстан мог бы сыграть полезную роль некоего буферного рынка между Востоком и Западом, Югом и Севером. Поэтому мы считаем, что БРИКС+ в сочетании с инициативой «Один пояс – один путь» и идеи Владимира Владимировича Путина о большом евразийском партнерстве открывает новую эру роста и взаимодействия. И в этой связи я считаю, что то, что сказал Константин Федорович о том, что у нас позитивное будущее будет в том случае, если мы будем делать все возможное, для того чтобы поддерживать процесс перетока экономической, а следовательно и политической силы на Восток.

Теперь я хотел бы обратить внимание на следующее. В условиях глобального противостояния между Западом и Востоком, в условиях давления Запада на Россию, в условиях гибридной войны Запада против

России на Западе не учитывают позитивного отношения граждан Востока и Юга по отношению к России. Посмотрите, соцопрос, проведенный Центрально-европейским институтом азиатских исследований в мае 2022 года показал: около 80% граждан КНР позитивно относятся к России и лишь 12% негативно. В то же время самая нелюбимая жителями Китая страна – это Соединенные Штаты Америки.

По данным американского института Gallor в декабре 2022 года – в январе 2023 года, Россию считают союзником или стратегическим партнером 69% турок, 79% китайцев, 80% индусов. Для сравнения подобную оценку разделяют лишь 8% британцев, и чуть более 10% американцев.

Когда мы говорим о Казахстане, о позиции Казахстана, конечно, с одной стороны, Казахстан поддерживает торгово-экономическое сотрудничество с Россией и Китаем. У нас товарооборот с Россией в 2022 году превысил 28,2 миллиарда долларов; с Китаем – 24,2 миллиарда долларов. Но по объему прямых иностранных инвестиций, а мы привлекли 330 миллиардов ПИИ и более 50% ПИИ в Казахстан привлечено из Европейского Союза. Поэтому мы испытываем, с одной стороны, конечно, тягу к развитию БРИКС+, к развитию торгово-экономического сотрудничества России с Китаем, но в то же время вот 330 миллиардов ПИИ из 120 зарубежных стран оказывает на нас определенное влияние. И поэтому для нас для всех не новость, что страны коллективного Запада во главе с США будут оказывать неприкрытое грубое давление не только на страны, которые поддерживают Россию или занимают позицию позитивного нейтралитета, но и в том числе на Казахстан.

Поэтому для нас очень важно продолжать сотрудничество с Казахстаном и Китаем, продолжать поддерживать БРИКС и выступать за объединение потенциалов БРИКС и Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества.

Я думаю, что этому будут посвящены дебаты на четвертом совещании министров иностранных дел диалогового формата «Центральная Азия – Китай», который завтра откроется в городе Сиань. И министры должны будут обсудить вопросы предстоящего совещания на высшем уровне. Это первый саммит Центральной Азии – Китай, который запланирован на май этого года в Сиане.

Мы сейчас возлагаем большие надежды на предстоящий визит премьер-министра Казахстана в Иран 26 апреля. Потому что товарооборот Казахстана с Ираном нас не удовлетворяет – 406,2 миллиона долларов. И поэтому мы надеемся, что в ходе визита нашего премьер-министра будет рассмотрен вопрос об увеличении торгового оборота между Казахстаном и Ираном.

И еще один вопрос, на который я хотел бы обратить внимание. В связи с расширением линии обороны НАТО из Евroatлантики на Индо-Тихоокеанский регион с целью сдерживания Китая и изоляции России, может быть, нам стоит вернуться к проекту строительства трубопровода из Ирана на Юг Каспийского моря. И дальше транспортировать нефть через построенный трубопровод «Запад Казахстана, Запад Китая».

Сегодня профессор Кожокин говорил о том, что железнодорожный коридор Север-Юг независим от Запада. Так и этот трубопровод по территории стран членов ШОС будет тоже независим от Запада. И самое главное, он будет независим от той тенденции, которую сейчас НАТО пытается расширить линию обороны из Юга Атлантики на Индо-Тихоокеанский регион.

И последнее. В случае дальнейшего обострения отношений между США и коллективным западом с одной стороны, России и Китаем с другой стороны, на мой взгляд, Казахстан должен оставаться прочным связующим звеном между Россией и Китаем, обеспечить в любом случае надежный тыл для Москвы и Пекина, способствовать сопряжению Евразийского экономиче-

ского союза и экономического пояса шелкового пути в рамках БРИКС+. И закончить выступление я хотел бы китайской пословицей: «Ветер дует, а горы стоят на месте».

А.М. Мустафабейли,

заместитель директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса,
кандидат исторических наук
(Россия)

Исторические аспекты российско-иранских отношений

Мне, как человеку, который проработал в Иране и прожил в Иране много-много лет, особо приятно видеть вот в этом зале рядом с собой, рядом с нами представителей великого иранского народа. Народа – наследника двух великих империй – Ахеменидов и Сасанидов. Империй, которые дали человечеству передовую культуру для того времени, а, может быть, и не только для того. Ахемениды приняли первую декларацию о правах человека. У них рождена первая или одна из первых монотеистических религий, основанной на триединных ценностях этических, что означает «Добрые мысли, добрые высказывания и добрые деяния». И вот это Иран помнит по сей день. И я часто слышал от иранцев, когда они чем-то недовольны, когда они считают, что кто-то как-то чего-то делает не так или что-то происходит не так, они всегда вспоминают вот это: «Добрые мысли, добрые высказывания и добрые деяния».

Так вот, Сасаниды, при них добывали золото, серебро, алмазы, жемчуг, изготавливалась булатная сталь, шелк, парча, ковры. И строились, так, на минутку, первые фортификационные сооружения в мире.

Можно было бы продолжать достоинства этих империй, но это уже для специалистов. Иранцы, народ Ирана, является наследником творчества великих философов и поэтов Средневековья – Саади, Хафиза, Фирдоуси, Хайяма.

И, наконец, иранцы совершили народную исламскую революцию. Именно народную. И что интересно, по поводу народности революции исламской дискуссии продолжаются по сей день. Ну, естественно, главным образом за пределами Ирана. И я в этих дискуссиях принимал участие, как свидетель. Я был свидетелем того, как тегеранские улицы заполнялись молодежью, студентами, учащимися учебных заведений, преподавателями, торговцами базаров. А базар, вы знаете, какую важную общественную роль играет в Иране и в других восточных государствах.

Штаб-квартира исламской революции, как известно, располагалась в Тегеранском Университете. И в результате, в итоге была образована Исламская республика Иран. Народная Исламская Республик Иран, я опять подчеркиваю. Потому что за исламскую конференцию проголосовало, как известно, 95 или 96 процентов иранцев, обладающих правом голоса. И вот получилась Народная Исламская Республика. А возглавило эти это движение духовенство совершенно неслучайно. Потому что именно духовенство принимало самое активное участие во всех демократических движениях Ирана, в Конституционной революции 1905–1911 годов, в борьбе за национализацию иранской нефти под эгидой замечательного патриота, премьер-министр Ирана Масаддыка. И вот эта Народная Исламская Республика Иран.

И что получили иранцы? А иранцы получили то, что они были изгнаны просто из Ирана. А что получили иранцы, 20 лет провоевав в Афганистане, заключив мирное соглашение с террористической группировкой движения талибов? А мирное соглашение, которое

предусматривало приход к власти этой террористической группировки, ну, а потом сотрудничество с американцами. Что получилось? А получилось то, что мы видели. Талибы погнали гегемона. Вот в гегемонизме Соединенных Штатов я всегда сомневался, сомневаюсь и сейчас. Нет никакого гегемонизма, с моей точки зрения уже теперь. Погнали метлой. И так погнали, что американцы даже не смогли организовать эвакуацию своих людей.

А что американцы получили от развязывания войны в Ираке. Я сознательно привожу какие-то известные примеры, потому что все связано, все в этом мире связано. Я этим закончу свое выступление. Они получили и американцы, к сожалению, не только американцы, а весь регион получили исламское государство, которое было раздавлено благодаря решительным действиям России в сотрудничестве, в первую очередь, с Ираном. Ну и с другими странами, но, в первую очередь, с Ираном.

А что получили американцы, вмешавшись в так называемую арабскую весну? Это – Сирия, Ливия, Йемен и так далее. Что они получили? Я не знаю, что они получили. А вот то, что их союзники европейские получили новые массы сотни тысяч беженцев, это точно. А что получили Соединенные Штаты Америки, разорвав так называемую ядерную сделку? Вот был здесь представитель «Росатома». Разорвали ядерную сделку. Иранцы сотрудничали с МАГАТЭ, выполняли свои обязательства, ожидали, что западные партнеры станут выполнять свои обязательства, в том числе Соединенные Штаты. Никто ничего не... И что в результате получилось? А получилось, что сегодня иранцы обогащают уран до 82-х или 83-х процентов. Это уже опасная штука. Для наглядности – это ядерный заряд, который был сброшен американцами на Хиросиму, если я не ошибаюсь.

И, наконец, а что получили американцы, развязав войну на Украине? Что они получили? Они получили

хаос политический у себя в стране. Они получили хаос экономический в европейских государствах, которые являются союзниками Соединенных Штатов. Причем, самое интересное, что одновременно раскручен конфликт с Китаем. Кто их научил этому? Это необычная вещь, которая не влезает ни в какие самые простейшие логические рамки.

А что американцы, на что они надеются? Они, что надеются на то, что Тайвань будет воевать с Китаем или Китай с Тайванем? Ну это такой бред абсолютный, да?

Вы знаете, я прошу прощения у моих коллег, мне приходит на ум рассказы об Америке замечательного нашего писателя Задорнова. Каждый свой рассказик он завершал таким лозунгом: «Ну тупые!» Ну это, это Задорнов, это не я. Если американцы меня услышат, то, чтобы они имели в виду, я тут не при чем.

Так вот, американцы не понимают еще самого главного. Я так согласен с Виталием Вячеславовичем. Много очень говорится о глобализме, что он присутствует и будет отсутствовать и так далее и так далее. Вот глобализм он будет всегда присутствовать, имея в виду связь между людьми, связь человеческую, связь между государствами. И все это связано вот такими невидимыми ниточками, паутиной. Ничего американцы не понимают. Зато Саади в XIII веке написал замечательную поэму «Гулистан» («Цветник»). Я сейчас прочитаю четверостишие на персидском языке для моих иранских гостей. (Читает на персидском.) (Аплодисменты.) Спасибо.

И русский перевод: «Все племя Адамово – тело одно, Из праха единого сотворено. Коль тела одна только ранена часть, То телу всему в трепетание впасть. Над горем людским ты не плакал вовек, – Так скажут ли люди, что ты человек?».

И.А. Сафранчук,

директор Центра евроазиатских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России,
кандидат политических наук
(Россия)

Региональные последствия глобальной геополитической трансформации

Уже много говорилось о том, что происходит глобальная геополитическая трансформация. В конечном счете, ее суть состоит в том, и практически она состоит в том, что влияние западных стран, их возможность контролировать мировые процессы, снижается. Конечно, есть элементы и абсолютного снижения их власти, но в большей степени это относительное снижение их власти. И происходит оно в значительной степени потому, что другие участники международных отношений, международных процессов перестают подчиняться и берут на себя больше полномочий.

И мы наблюдаем это и в том числе с тем, как происходят попытки санкционного давления на Россию. Можно спорить о конкретных цифрах, там, в общем, разные оценки немного разнятся. Но, в общем, мы можем говорить о том, что примерно половину стран, представляющие примерно половину мирового ВВП против России санкций не ввели. И это довольно показательный подсчет.

То, что снижается влияние глобального Запада, то, что значимые региональные игроки берут на себя боль-

ше полномочий и больше ответственности, с одной стороны, способствует реализации крупных региональных и континентальных экономических проектов. Уже сегодня упоминались и проекты высокотехнологичные, которым долгое время мешало санкционное давление Запада. Это в том числе и вот проект строительства атомной электростанции в Бушире, который хотя и осуществлялся, этот проект осуществлялся даже во время санкционного давления на Иран. И, в общем, санкционного давления на Россию тоже. Потому что некоторые российские компании подвергались санкциям за реализацию этого проекта. Но, в общем, наверное, его можно было осуществить и быстрее, и эффективнее, если бы этого санкционного давления не было.

Вот проект «Север-Юг», о котором тоже сегодня говорили, он на фоне этого санкционного давления становится особенно актуальным и, наверное, будет реализовываться такими форсированными темпами. И мы можем говорить о других региональных экономических проектах, которые раньше осуществлялись с оглядками на мнение крупных западных игроков. А теперь этот элемент оглядки он становится гораздо меньше. И, в общем, это способствует региональному сотрудничеству, осуществлению крупных региональных континентальных проектов.

Но есть у этого и другой аспект. Я, собственно, главным образом хочу на него обратить внимание. За счет чего происходит ослабление и абсолютное особенно относительное ослабление глобального Запада и возвышения не западных игроков? Это происходит за счет того, что эти не западные игроки в большей степени следуют своим культурно-историческим традициям, развивают эти культурно-исторические традиции. И их самостоятельность базируется на их культурно-исторической самости. И именно из-за того, что они этот компонент культурно-исторической самости, самостоятельности мышления развивают, они и решаются противостоять

глобальному Западу. И этот процесс способствует вот той самой глобальной геополитической трансформации.

Но возникает у меня вопрос, который, с моей точки зрения, ведет к сложным достаточно дискуссиям. И я не хочу говорить, что здесь все однозначно хорошо или однозначно плохо. А что же этот процесс культивирования культурно-исторической самости крупными региональными игроками значит для региональных процессов? Ведь множество региональных споров, региональных противоречий, кровавых конфликтов – они уходят корнями в те самые культурно-исторические противоречия. И вот здесь, с моей точки зрения, мы должны признавать, что тот процесс, в котором мы сейчас находимся, он, с одной стороны, безусловно, положительный. Я считаю, что не надо стесняться в эпитетах, для того чтобы негативно характеризовать ту глобальную систему, которую сформировал Запад в последние десятилетия. Это практически система «концлагеря», где действовали правила несправедливые и так далее и так далее. Я не хочу в это углубляться. Здесь все абсолютно справедливо.

А разрушение этой системы позволяет реализовать те экономические проекты, как я уже сказал, которым мешал Запад. Но одновременно одним из важнейших элементов разрушения этой власти коллективного Запада является культивирование множества региональных культурно-исторических самостей, которые в той системе международных отношений и тех региональных раскладов, которые существуют, скорее, повышают конфликтный потенциал.

Надо признать, что нам с Ираном в этом смысле повезло. Нет таких вот крупных региональных противоречий, где мы находимся по разную сторону баррикад. Там, если брать тот же кавказский расклад, то, в общем, мы, скорее, находимся по одну сторону. В Центральной Азии Иран, в отличие от некоторых

других игроков не действовал слишком напористо и слишком бесцеремонно, чтобы наступать на российские экономические и политические интересы. Но у нас есть примеры с некоторыми другими крупными региональными игроками, которые являются нашими партнерами в глобальных геополитических играх, но одновременно являются достаточно сложными контраптернерами в региональных ситуациях.

На первом этапе, я думаю, что вот эта противоречивость будет относительно мягкой, потому что мы имеем первую цель – это убрать из региональных ситуаций внешних игроков, прежде всего американцев. Это относится к тому же Ближнему востоку, особенно к Сирии. Наверное, не является секретом то, что Россия способствует нормализации отношений Сирия с соседями, в том числе и с Турцией. И это будет вести к тому, чтобы убрать оттуда американцев. И вместе убирать американцев – это, безусловно, общая задача, потому что они мешают всем.

Но еще раз хочу обратить внимание на то, что региональные противоречия, которые существуют, за счет развития культурно-исторических корней, культурно-исторической гордости, культурно-исторической самости, можно как угодно это называть, региональные противоречия будут нарастать. И я думаю, что нам обязательно надо думать о том, что эта трудность перед нами возникнет. Наверное, особенно сильно она возникнет через 5-7 лет, когда вот пройдет период, когда мы можем воспользоваться очевидными и самыми доступными благами снижения влияния Запада на региональные ситуации.

Но потом нам нужно будет подхватывать очень много региональных дел вот самим и самим с ними справляться. Как именно это делать – за счет развития региональных многосторонних структур или за счет создания двухсторонних форматов, в рамках которых бы снимались какие-то исторические противоречия,

и мы избегали того, что исторические колеи каких-то двух или трех государств ведут неизбежно к конфликтам и столкновениям. Как именно это делать, в многосторонних или двухсторонних форматах, – это вопрос открытый.

Но, с моей точки зрения, Запад... Ну он и сейчас делает ставку на то, чтобы стимулировать региональные раздоры. И, в общем-то, вот этот элемент он у Запада присутствует, что вы без нас не справитесь. Вы, так сказать, все, уйдя из «нашего концлагеря», все там потеряетесь, заблудитесь в своих культурно-исторических спорах и, в общем-то, вас постигнет неуда. Этот тезис он уже у Запада присутствует. Они пугают нас возвращением в джунгли, грубо говоря, не только в таком бытовом экономическом плане, но и в политическом плане. Но я думаю, что этот элемент у Запада особенно будет усиливаться. И поэтому и для того чтобы поддержать глобальную геополитическую трансформацию, и для того чтобы не погрузиться действительно в региональные раздоры, нам нужно будет искать какие-то новые форматы преодоления этих региональных застарелых споров.

Еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что за несколько предыдущих десятилетий ведь Запад смог нам навязать вот такую мировоззренческую парадигму, что разрешение этих культурно-исторических споров давних, вот тех споров, где есть большая историческая колея, оно возможно только за счет фактически отказа от своей культурно-исторической традиции. Вот вырастут новые поколения, которым нет дела до истории, нет дела до культурной традиции, вырастет новое поколение космополитов глобалистов, ну и тогда все эти споры отомрут. Вот была единственная парадигма разрешения крупных региональных споров, которая последние десятилетия существовала. Эта парадигма: а) себя не оправдала; б) в условиях нынешней глобальной геополитической трансформации она просто уже

неактуальна, не работает. Потому что мы собираемся не отказываться от своих культурно-исторических традиций, от исторической колеи, а наоборот, всячески ей следовать.

Поэтому я хочу, может быть, использовать тот образ, который присутствует в русской традиции, сказать, что, перед нами как вот говорил Константин Федорович, большая бочка меда, но мы должны иметь в виду, что есть те, кто заносит над ней ложку дегтя. И эта ложка дегтя – это региональные споры. И наша задача не допустить опрокидывания этой ложки дегтя в эту, как говорит Константин Федорович, по всем секретным данным очень большую бочку меда.

В.Л. Жарихин,

заместитель директора Института стран СНГ

(Россия)

О влиянии украинского кризиса на российско-иранские отношения

Действительно Специальная военная операция радикальным образом изменила отношения между странами в мире. Это – факт. Безусловно, она повлияла и на отношения между Россией и Ираном. Ну Владимир Валериевич призывал нас в этой части приподняться над текущей ситуаций. Нам в России это очень сложно сделать, приподняться над полем боя. Это и сейчас идет. Но все-таки постараюсь. Во-первых, я бы высказал такую позицию, что все-таки, если действительно постараться взглянуть немножко сверху, конечно, для нас в России ничего, кроме Специальной военной операции... Но, в общем-то, это не только это совсем не противостояние между Россией и Украиной, и не только противостояние именно России и Соединенных Штатов.

Вот достаточно даже посмотреть на то, а кого называли своими врагами американцы официально? Иран, Россию и Китай. Можно сказать, классические страны хартленда. Не будем упоминать господина Маккиндера, но напрашивается то, что выходит из его теории. Что вот страна моря – Соединенные Штаты душат по очереди сначала Иран, потом Россию, потом собираются делать это с Китаем. И действительно

элементы такого противостояния, мне кажется, на самом деле есть. Но при этом у нас как-то мы отвергли марксизм-ленинизм, тем не менее во все иногда ну что ли с избытком используем его метод, то есть главное – противостояние производительных сил, главное – противостояние экономических субъектов и их интересы. Да, это главное. Но забывать, с моей точки зрения, про личные интересы, про личные желания тех или иных субъектов политики тоже не стоит. Потому что, мне кажется, например, неслучайно с таким избыточным даже по отношению к интересам Соединенных Штатов энтузиазмом занимается в украинской истории господин Байден. Потому что они диктуют во многом ситуацию в средствах массовой информации, поэтому с удовольствием забывают неудачи и раздувают, так сказать, свои победы.

Но если опять же внимательно посмотреть на ситуацию, с Ираном, по сути, борьба и победа не удалась. В 2011 году Байден решил схватиться, собственно говоря, с Россией, когда приехал и требовал у Путина, чтобы он не шел на очередной срок на президентские выборы 2012 года. Получил решительный отказ. После этого была Сирия, где он бесславно проиграл, после этого была Белоруссия, где он бесславно проиграл. Это как бы все, так сказать, уже забылось, этого не было. После этого был проигрыш в Афганистане. По ходу коротко, быстренько в январе 2022 года проиграл в Казахстане, там тоже, так сказать, влияние чувствовалось. Ну, и попытка задавить Россию через Украину тоже пока не удается.

И поэтому такое ожесточение, такое стремление как бы провести последний решительный бой, потому что все остальное, черед поражений, но когда есть какая-то победа, то эта черед поражений забывается. И мы видим, что попытка задавить Россию беспрецедентно нарушает во многом сами принципы, которые они двигали, которые, собственно говоря, навязывали миру,

в том числе глобализация, свободный рынок и так далее, свобода слова – все это забывается ради этой победы.

Ну, вот совершенно справедливо господин Шейхоль-эслами сказал о том, что пока что силы Запада переносятся на Восток. Ну, я так понимаю, речь идет о том, что они все равно в наступлении, а мы все равно в защите. Иногда мы защищаемся достаточно удачно, но сама тенденция – наступление со стороны Запада и защита со стороны Востока. Вот сейчас говорят Юг, я не очень понимаю, как можно холодную Россию называть Югом. Ну, хорошо, Юг.

Мне кажется, это связано с тем, вот что очень хорошо господин Сафранчук отметил, вот эта самость она заставляет в том числе нас сопротивляться и бороться по отдельности, а не вместе. Потому что мы вот такие особенные, у каждого своя цивилизация, и поэтому зачастую не можем переступить вот те самые региональные старые счеты тысячелетние, у нас тысячелетняя история взаимоотношений, они родились двести лет назад, и, конечно, это зачастую становится определенным препятствием. Но когда это препятствие преодолевается, как, например, в той же самой Сирии, когда мы вместе отбивали атаку американцев, реально это было там так, нам сопутствовал успех.

И поэтому и в дальнейшем, мне кажется, мы должны рассматривать все эти операции Запада на нашем пространстве, ну, пусть это называется даже английским термином «хартленд», как наше общее дело, а не дело каждой отдельной цивилизации. Потому что если мы будем продолжать так делать, то все эти цивилизации могут быть побеждены поодиночке. А этого бы не хотелось.

Б.М. Волхонский,

доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
кандидат филологических наук
(Россия)

Россия – Иран – Индия: диалог великих цивилизаций Евразии как фактор стабильности на континенте

Сегодня уже много говорилось о цивилизациях, и вот даже передо мной два выступающих говорили именно о цивилизационном подходе, но если посмотреть на Индию и Иран, то это, в общем-то, народы, имеющие общий корень, который уходит глубоко в тысячелетия. Если уйти еще глубже, в глубь тысячелетий, то мы обнаружим, что и славянские народы тоже имеют общие корни с индийскими и иранскими народами. Поэтому здесь цивилизационная какая-то общность у нас, наверное, на уровне генетической памяти присутствует.

Если посмотреть на историю средних веков, то контакты между Индией и ираноязычным миром были очень и очень обширные, очень активные, огромное количество династий мусульманских правило в Индии, и многие правители были выходцами именно из Ирана, синтез индо-мусульманской культуры, ну, это, в общем, совершенно уникальное явление в истории мировой цивилизации. Ну, визитная карточка Индии сегодня – это Тадж-Махал, который, собственно говоря, и является ярчайшим примером.

Но если немножко подойти ближе к сегодняшнему дню, то, наверное, основа для взаимоотношений между Индией и Ираном, такая вот современная, была заложена Тегеранской декларацией 2001 года, в которой говорилось о том, что страны уважают суверенитет, особенности друг друга, невмешательство, в общем, в уважительном тоне все было выделено. И именно тогда тогдашний президент Ирана Мохаммад Хатами провозгласил видение диалога цивилизаций как основной парадигмы международных отношений. И, собственно говоря, основа такого современного сотрудничества Индии и Ирана была заложена именно тогда.

Сегодня уже очень много говорилось о формах взаимодействия, в том числе с участием Индии. Прежде всего, конечно, это международный транспортный коридор «Север – Юг». Дело в том что в силу своего географического положения просто Иран предназначен для того, чтобы быть воротами для Индии в страны Центральной Азии, в Россию и в страны Северной Европы, просто в силу того что у Индии 76 уже почти лет назад была провозглашена независимость и Индия разделилась на два государства, были напряженные, порой враждебные отношения между Индией и Пакистаном, а также последние несколько десятилетий фактически черной дырой вот этой части макрорегиона является Афганистан. Поэтому иные пути, которые связывали бы Индию с Центральной Азией и далее с Россией, кроме как через Иран они пройти не могут, это объективно определяет необходимые взаимодействия.

Кроме того, собственно, и для Ирана тоже Индия является достаточно привлекательным партнером, поскольку, как уже сегодня было сказано, с недавних пор это первая по численности населения страна мира, страна с очень активно развивающейся экономикой, наверное, среди развитых экономика, демонстрирующая самые быстрые темпы экономического роста. Сей-

час по паритету покупательной способности Индия – это третья экономика мира, в абсолютных цифрах недавно обошла Великобританию и заняла пятое место. Ну, и Иран, который уже многие годы функционирует в условиях западных санкций, конечно, для Ирана Индия – это один из тех партнеров, через которые Иран может выходить на мировой рынок.

Итак, объективная действительность диктует необходимость сотрудничества Ирана и Индии, ну а через Иран это облегчает и сотрудничество России с Индией. Но, сегодня тоже об этом уже много говорилось, есть несколько привходящих моментов. Ну, как уже говорил, по-моему, Евгений Михайлович Кожокин, крупнейшее, мощнейшее западное лобби работает в Индии особенно через средства массовой информации, которое получает информацию в основном из западных источников и, естественно, рисует картину такую, которая нравилась бы их западным читателям, поэтому на медийном уровне Россия рисуется иногда не самым лучшим образом, хотя такая инерция еще нашей дружбы, идущей со времен Советского Союза, она, безусловно, сохраняется.

То есть здесь есть определенный дисбаланс между тем, какую картину рисуют СМИ Индии, и тем, что на самом деле чувствует значительная сейчас населения. К сожалению, российские СМИ ну они присутствуют, так сказать, в лице России сегодня, но пока конкуренцию действенную составить не могут. Есть, допустим, сайт «Спутник Индия» на языке хинди, у него в Телеграме подписчиков где-то человек 260, наверное, почти на полуторамиллиардную Индию.

Некоторое отчуждение и недоверие в отношениях между Индией и Китаем, безусловно, это присутствует. И тот факт, что Иран, как сегодня много уже говорилось о том, что Иран активно развивает связи с Китаем, в том числе по линии инициативы «пояса и пути», конечно, это не создает благоприятного фона для

индийско-иранских отношений. Более того, в Индии вообще к инициативе «пояса и пути» отношение очень негативное. И вот если посмотреть на карту, то есть «поясы и пути», которые идут с Востока на Запад, и есть транспортный коридор «Север – Юг». Получается, что эти проекты как бы становятся конкурентами, хотя на самом деле если бы преодолеть некое отчуждение между Индией и Китаем, они вполне могли бы быть ну как бы интегрированы в единую систему и создать такой замкнутый цикл транспортировки. То есть они не противоречат друг другу, эти пути, наоборот, они в узловых точках пересекаются и могли бы как-то служить для большей интеграции этого региона.

Плюс к этому, внешняя политика Индии всегда славилась независимостью, а независимость в том числе включает в себя такой компонент, как развитие отношений с кем угодно, с любой страной. Скажем, если в эпоху «холодной войны» Движение неприсоединения, лидером которого была Индия, оно имело явно выраженную антимилитаристическую направленность, то сейчас индийские эксперты говорят не столько о неприсоединении, сколько о мультиприсоединении, «многoprисоединении». То есть присоединение к разным центрам силы, то есть развитие сотрудничества с любой страной. То есть они развивают отношения с Россией, это никак не влияет на то, что они также продуктивно сотрудничают и с Западом.

Участие Индии в таком формате, как азиатско-тихоокеанский «квартет», QUAD, он, может быть, для нашей сегодняшней темы не очень актуален, поскольку он покрывает собой другую часть региона, восточную часть Индийского океана и западную часть Тихого, но, допустим, недавно сформировавшийся другой квартет в Западной Азии, который по-английски называется «I2U2», по первым буквам его стран-участников, то есть первая буква «I», или по-русски «И» – это Индия и Израиль, а «U» – это United States, Соединенные Штаты

ты и United Arab Emirates, вот этот формат, безусловно, не создает уже благоприятного фона для развития индийско-иранских отношений. Поскольку понятно, что развитие отношений между Индией и Израилем – это не самая приветствуемая тенденция в Иране.

И, таким образом, плюс к этому, можно еще отметить целый ряд других моментов. Скажем так, с одной стороны, и Индия, и Иран заинтересованы в стабилизации ситуации в Афганистане. Но здесь возникает такая ситуация, что, собственно говоря, и в Индии, и в России, по-моему, и в Иране тоже, в общем, Талибан считается террористической организацией. Тем не менее Талибан является реальной силой, которая управляет Афганистаном, поэтому контакты с ними так или иначе надо поддерживать. Ну, Индия, наверное, дольше других воздерживалась от этого, ну и сейчас тоже этот диалог возобновляется.

Ну, вот на эти моменты привходящие, которые немножко сдерживают взаимоотношения между Индией и Ираном, накладываются, конечно, те процессы, которые происходят в современном мире. А у нас конференция называется «Меняющийся мир», ну кто мог еще лет пять назад представить себе, что Иран и Саудовская Аравия настолько сблизятся, как это произошло совсем в недавнем прошлом.

Меняется отношение между соседями к Персидскому заливу, у Ирана налаживаются отношения с теми странами, с которыми у него до недавнего времени были отношения очень напряженными. Да, еще один момент надо отметить, который мешает несколько, это надо учесть, что в Индии в 2014 году к власти пришло правительство Бхаратия Джаната партия, и, по моим, таким пока предварительным прогнозам, еще на пятилетний срок по результатам выборов следующего года оно сохранится у власти, а эта партия имеет репутацию Антиисламской партии, и в определенной степени она играет на настроениях большинства самой Индии, и

часто правительство Индии или круги, близкие к правительству Индии, выступают с критикой того, что происходит в Иране. В частности, недавние события, связанные с беспорядками, получали, в общем-то, в индийских СМИ такое негативное по отношению к Ирану освещение.

Поэтому, конечно, привходящие моменты играют свою роль. Более того, скажем, в 2019 году Индия просто прекратила импорт иранской нефти под влиянием Запада. Поэтому я бы сказал так, что вот в своем выступлении господин Шейхольэслами задал вопрос: «А вот сближение стран этого макрорегиона Евразии, там Китая, России, Индии – это сиюминутное явление или это долгосрочная тенденция?», вот я бы сказал наоборот, что, с одной стороны, это действительно долгосрочная тенденция, но сиюминутные моменты, сиюминутные элементы пока во многом этому мешают.

Ну, и, возвращаясь уже к цивилизационному подходу, сегодня еще не упоминался этот расхожий термин «столкновение цивилизаций» Хантингтона, но на самом деле то, что мы наблюдаем сегодня, это не столкновение цивилизаций, а это столкновение цивилизаций, с одной стороны, и антицивилизации с другой. То есть то, что мы сегодня видим на Западе, это цивилизацией назвать довольно трудно. А вот, с другой стороны, имеем такие страны, как преимущественно православная Россия, исламский Иран и в значительной степени индусский, но также имеющий большой компонент ислама Индия, кстати говоря, вторая по численности мусульман страна в мире.

И вот эти страны, опираясь на свои историко-культурные традиции, на свои принципы, они, конечно, могут объединить усилия в долгосрочной перспективе, для того чтобы противостоять тем разрушительным тенденциям, которые мы сегодня наблюдаем. И, конечно, здесь, уже сегодня тоже много говорилось, важная роль будет принадлежать таким объединениям, как

БРИКС, в который хочет вступить Иран, ШОС, членами которого является и Россия, и Индия, и Иран, ну и ЕврАзЭС, к которому обе стороны проявляют интерес, как бы они могли бы стать таким ядром более широкого интеграционного объединения.

И.Е. Федорова,

старший научный сотрудник сектора Ирана

Института востоковедения РАН,

кандидат исторических наук

(Россия)

О новых тенденциях в ирано-индийских отношениях

Для Ирана в период, когда мир меняется и когда создаются очень много новых центров силы, ведущие державы, региональные державы начинают брать на себя ответственность за будущее регионов, и в этом плане отношения между крупнейшими державами региона – Ираном и Индией – приобретают особое значение. Уже говорили о том, что связи, цивилизационная общность между двумя странами и корни ее уходят далеко в прошлое, в то время когда некоторых государств, например, таких, как Соединенные Штаты Америки, не то что не было на Земле, но даже не планировалось. И господин Неру на эту тему высказался следующим образом: что немногие народы так тесно связаны между собой по происхождению и имеют такие тесные исторические связи, как Индия и Иран.

Уже говорилось, что ключевым документом была Делийская декларация, ну, и, в частности, одновременно была принята Дорожная карта, ведущая к стратегическому сотрудничеству между Индией и Ираном. Там были намечены основные стратегические направления сотрудничества – это сотрудничество в энергетической

области. И в благоприятное время, в 2018–2019 году, в начале 2019-го поставки иранских энергоносителей в Индию достигали очень серьезных размеров, они составляли 90% от общего экспорта Ирана, который насчитывал более 13 миллиардов долларов.

Однако вот это совершенно естественное сотрудничество между Индией, которая испытывает нехватку энергоносителей, и Ираном, который является естественным геостратегическим и геоэкономическим поставщиком энергоресурсов в Индию, оно развивается не так успешно, как хотелось бы. И причина этого, естественно, следование Нью-Дели провашингтонским курсом. Дело в том, что приоритетом для Нью-Дели является укрепление своей позиции в качестве ключевого звена в американской стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и развитие не только стратегического, но и военного партнерства с Вашингтоном. К сожалению, вот это партнерство и определяет во многом всю парадигму внешнеполитических стратегий Республики Индии.

В результате этого Индия выполняла не только все санкции, которые были введены международным сообществом в отношении Ирана, но и санкции, которые вводили в одностороннем порядке Соединенные Штаты. Был сокращен практически до нуля импорт иранской нефти в Индию, торговый оборот упал более чем в десять раз, и американские санкции оказали очень серьезное отрицательное влияние на разработку и модернизирование порта Чехбахар.

На самом деле Чехбахар был выведен Соединенными Штатами из-под санкций, но многие индийские компании, опасаясь возможности введения этих санкций, затягивают упорно свою работу в порте Чехбахар. И, помимо этого, финансирование со стороны Индии, например, в 2018–2019 году было нулевым работ по модернизации этого порта. Несмотря на то, что господин Моди считает, что это «золотые ворота» Индии и прекрасно

понимает значимость Чехбаха́ра для развития индийского экспорта не только, естественно, в Иран, но и через Иран. Чехба́хар должен был быть частью коридора «Север – Юг», и это бы облегчило экспорт индийских товаров в Центральную Азию, в Россию, в Европу.

Настораживает Иран и растущее военно-техническое взаимодействие Индии с Израилем и те, конечно, меры в области морской безопасности и логистики, которые оказывает членство Индии и работы Индии в упоминавшемся «I2U2», который оказывается своеобразной альтернативой геоэкономическим проектом Ирана с Индией.

Ну, конечно, стремление Дели ориентироваться на США привело к охлаждению отношений между столицами, и именно с этим в экспертных кругах связывают заявления Тегерана, которые прозвучали относительно положения мусульман на бывшей территории штата Джамма и Кашмир. С предостережениями в этом вопросе выступил верховный лидер Ирана в 2020 году в связи с принятием Citizenship (Amendment) Act. Помимо этого, в этом году министр иностранных дел Ирана совершенно обоснованно отказался принимать участие в Raisina Dialogue, который был в Индии в марте этого года, потому что не совсем корректно были представлены в рекламе протесты, которые были в Иране в этот период, на фоне портрета президента и верховного лидера Ирана.

Несмотря на факторы, которые ограничивают сотрудничество Ирана с Индией, страны имеют совпадающие, конечно, интересы, и надо надеяться, что полноправное членство Ирана в ШОС создаст новую площадку для обсуждения вопросов взаимодействия Индии и Ирана и, возможно, даст какой-то толчок по работам, наконец, в порте Чехба́хар.

И еще одно направление сотрудничества – это, конечно, ситуация в Афганистане. Ведь дело в том, что Иран не выводил свое посольство из Афганистана после прихода к

власти талибов, и сейчас уже в посольстве Афганистана в Иране работают временный поверенный в делах и дипломаты из представленной новой администрации, которая сейчас осуществляет руководство в Кабуле.

Индия очень заинтересована в своем присутствии и в развитии отношений с Афганистаном, в отличие от того периода, когда в первый раз талибы пришли к власти. И сейчас совсем недавно делегация Индии посетила Афганистан, посетила Кабул, и даже сейчас там, по сведениям моим, находятся несколько, может быть, два или три индийских дипломата в Кабуле, которые работают над установлением развития отношений между Кабулом и Дели. Конечно, учитывая эту заинтересованность Индии в развитии отношений с Афганистаном, Иран является и посредником, и может, конечно, облегчать взаимодействие Индии с новыми властями в Кабуле.

И, вот подводя итоги тому, что я хотела вам сказать, с вашего позволения, прочту: «Геополитические, стратегические и ресурсные возможности Индии и Ирана дополняют друг друга, а объединение их усилий открывает широкое поле для деятельности, синергетический эффект, который может оказаться очень высоким. Несмотря на то что потенциал экономического и политического взаимодействия очень велик, оно не соответствует возможному уровню. Внешнеполитическая направленность Индии на взаимодействие с США и Израилем создает серьезные препятствия для развития обоюдовыгодных планов и не позволяет ожидать значимых изменений в ближайшем будущем.

Заключение всеобъемлющего ирано-китайского соглашения, которое предусматривает обширные китайские инвестиции в иранскую промышленность и инфраструктуру, а также включение военной составляющей в эти договоренности, может свести на нет те очевидные выгоды, которые Иран и Индия могут извлечь из развития взаимовыгодного сотрудничества.

СЕКЦИЯ 2.
Экономические аспекты
российско-иранского сотрудничества
на евразийском пространстве

Н.М. Мамедова,

заведующая сектором Ирана Центра изучения стран
Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН,
кандидат экономических наук
(Россия)

Российско-иранские отношения в экономической сфере

Отношения и России, и СССР, сейчас уже новой России с Ираном, как уже здесь говорилось, характеризуются крайней неравномерностью. И для этого есть и субъективные, и объективные причины. И вот эта неравномерность она проявляется и на экономических наших отношениях. Одной из объективных причин, о которой здесь, по-моему, не очень говорили, – это, конечно, однотипный характер экспортного потенциала, что России, что Ирана. Потому что и та, и другая страна ориентированы, главным образом, на экспорт нефти.

А вот субъективная причина, она и объективная тоже, – это, конечно, санкционный фактор, который сейчас оказывает влияние не только на наши экономические связи и не только в отношении Ирана, но и России. Причем вот эта санкционная политика она то ослабевала в отношении Ирана, то ужесточалась, то носила односторонний характер, то международный характер, и тоже в зависимости от этого характера это влияло на наши экономические связи.

Нужно сказать, что ситуация, вот после того как ввели жесткие санкции в отношении России, она, конечно, кардинально поменялась. И сейчас россий-

скую экономику тоже все больше стараются отрезать от глобального рынка. И в этих условиях, конечно, иранский рынок, Иран, становится одним из значимых таких вот звеньев глобального рынка, в котором Россия продолжает нуждаться.

Причем нужно сказать, что вот если в первый год санкционного режима в отношении России российский рынок рассматривал Иран как средство выполнения своего продовольственного рынка, это было так, он действительно нам помог в это время, но постепенно характер наших отношений, структура экспорта и импорта показывает, что сейчас экономические связи с Ираном все больше начинают диверсифицироваться. И если раньше до 80% российско-иранского торгового оборота – это все-таки продовольственные товары были, то сейчас эта ситуация меняется.

Нужно сказать, что это по данным Ирана. Было заседание Торгово-промышленной палаты Ирана, во главе которого, знаете, стоит Шафеи. Голам Хоссейн Шафеи в свое время был и послом Ирана в нашей стране. Так вот, по его словам, сейчас экспорт промышленных товаров в Россию увеличился на 30%, и они считают, что эти поставки впервые превзошли даже экспорт российских промышленных товаров. Насколько это правда, я сказать не могу, я вам передаю слова господина Шафеи.

Вы знаете, что и наши цифры не очень, скажем так, часто открыто публикуются, но, а иранские тем более. Стало очевидным стремление и российских, и иранских компаний заключать не просто торговые соглашения в последнее время, а инвестиционные проекты по созданию совместных производств. И известно всем о поставках в Россию дронов, но сейчас стоит вопрос о возможности их совместного производства, и не обязательно в России, а в какой-нибудь третьей стране. То есть разговоры об этом уже довольно активно ведутся.

Сегодня упоминали о поставках газовых турбин в Россию, вспомним, это соглашение у нас конца 2022 года, эти газовые турбины производит иранская компания «МАРНА», это одна из крупнейших в Иране компаний, причем она их делает на уровне европейских стандартов. Это очень конкурентоспособная продукция на мировом рынке.

Наверное, сегодня будут еще говорить об Астрахани, я поэтому об астраханском блоке говорить не буду, но, вы знаете, это область, в которой работает более 120 иранских компаний, заключено соглашение между Астраханской областью и Фондом обездоленных, потому что компании этого фонда вошли в Астраханскую область, вошли в «Лотос», свободную экономическую зону, и там не только уже заключены соглашения, но и стали строиться предприятия по совместному выпуску продукции.

В результате уже в 2021 году, об этом говорили тоже, взаимный товарооборот превысил 4 миллиарда долларов, а в 2022 году, тоже было сказано, он составил 4,6 миллиарда долларов. При этом если мы посмотрим долю России, то это три миллиарда долларов, тоже неплохо. Конечно, по сравнению с торговлей России с Китаем, с Индией это цифры не очень большие, даже если мы сравним с Турцией, но все-таки у нас таких объемов товарооборота с Ираном раньше просто не было.

И я вам хочу напомнить, что самый большой объем товарооборота был в 2011 году, то есть накануне принятия международных санкций, он тогда составил 3,75 миллиарда, около четырех миллиардов. И тогда тоже казалось, что вот-вот мы нарастим товарооборот, но случились международные санкции, и он пошел на резкий спад. После того как иранские банки были отключены от SWIFT, от этой системы в 2012 году, конечно, товарооборот с Россией резко упал, он у нас упал до 1,2 миллиарда, и в последнее время они были

очень небольшие, но, как видите, они растут. И пусть это небольшие обороты, но, согласитесь, для России очень важно вот это поступление валюты. Хотя, конечно, сейчас больше половины оплат производится в национальных валютах, тем не менее это России сейчас очень важно.

Более надежным или более даже важным, с точки зрения, вот как я считаю, экономических связей, представляется расширение участников глобальных разных процессов, это очень важно и для Ирана, и для России. В данном случае очень важно подключение Ирана к ЕАЭС, но об этом будет говорить Елена Викторовна, я поэтому опускаю этот момент. Но просто хочу сказать, что вот как только временное соглашение в 2022 году было продлено, у нас сразу и товарооборот увеличился, это тоже не случайно. Безусловно, вот это участие в региональных организациях очень важно. И к числу международных проектов, которые могут расширить число участников, можно отнести тоже МТК «Север – Юг», но об этом будет говорить, наверное, Белов, поэтому я тоже сокращу свой текст.

Стало расширяться инвестиционное сотрудничество. Вот введение новых санкций в 2021 году, нужно сказать, сразу сократило приток прямых иностранных инвестиций в Иран до минимума, здесь чуть больше одного миллиарда долларов. В 2022 году он вырос был до 4,2 миллиарда, это совершенно неожиданный прирост. За счет чего? Выясняется, за счет роста инвестиций из России, вот из этих 4,2 миллиарда 2,1 миллиарда, то есть половина – это российские инвестиции, на втором месте Афганистан, ОАЭ и так далее. Китай, кстати, о котором так много говорили, как он много делает для Ирана сейчас, он занял шестое место. Растут и иранские инвестиции в российскую экономику.

И нужно сказать, что перспектива для этого, конечно, есть, и есть даже в тех отраслях, где раньше иранский бизнес и не был задействован. Я хочу напом-

нить о том, что Иран производит очень качественную фармацевтику. А наш российский рынок испытывает реальную потребность в этих товарах. Возможно, что иранский автопром, об этом много сейчас говорят, вот почему-то про фармацевтику молчат, а больше говорят об автомобильном рынке, но возможно, что и Иран поможет закрыть брешь на российском автомобильном рынке. И есть проекты не только по продаже, но и по организации сборочных линий в России.

В Петербурге практически достигнуто соглашение, и скорее всего, будет достигнуто в Калуге тоже. Приток российских инвестиций в Иран стал увеличиваться за счет возвращения наших компаний российских на энергетический рынок, конечно. Я хочу вам напомнить, что все дело в том, что для Ирана крайне необходимы вот эти иностранные инвестиции. Мощностные действующие уже более полувека месторождения она уменьшается, требуется модернизация оборудования на них, а главное, освоение новых месторождений. И вот как раз российские инвестиции предусматривают, например, наши инвестиции в два месторождения в Иламе.

Н.Н. Спасский говорил о том, что они продолжают строительство АЭС в Бушире, это тоже. Нужно сказать, что продолжается строительство тепловой электростанции «Сирик», которое было начато еще в 21 году, и межправительственное соглашение по нему предусматривало выделения на это строительство российского кредита – более одного миллиарда долларов. Хочу сказать, что нужно заметить, что ни иранская сторона, хорошо, что иранцы присутствуют, ни мы не используем полностью потенциал свободных зон экономических, которые как раз вот и важны в период санкций. Можно, например, бы не только участвовать в собственных, в своих зонах, то есть иранцы в российских, а мы в иранских, но можно усилить наше присутствие и в зонах третьих стран. Вот, например, «Алят»

открылась в Азербайджане. У нас полное основание принять участие и нашим, и иранским компаниям участие в этих.

Я однократно, вообще, говорю на всех, наверное, или на многих выступлениях о необходимости более активного подключения к сотрудничеству малого и среднего бизнеса. Для этого необходимо активизировать связи России и Ирана на региональном уровне. Нужно открывать в крупных городах персидские дома, русские дома, проводить выставки продукции в этих провинциальных центрах. При этом очень перспективно устанавливать связи не только с государственными или крупными частными компаниями, но и с традиционными и исламскими структурами. Например, в Иране это вакфы, это синфы, про которых мало, кто в России знает, которые менее доступны для контроля с точки зрения санкционного давления на эти структуры.

Доктор Марадди Манучехр,

старший специалист Института политических и международных исследований МИД Исламской Республики Иран
(Исламская Республика Иран)

Экономические аспекты российско-иранского сотрудничества

Во имя бога милосердного я бы хотел сегодня ответить на некоторые вопросы, которые поставлены в течение долгих лет. На них ответа нет, и хотелось бы это обсудить. В продолжение выступления госпожи А.А. Мигранян указать на то, что в экономических сферах, смотря на наш потенциал в разных сферах, очень долгое время, несколько лет все повторяется и повторяется. И на каждом совещании в разных заседаниях мы говорим о потенциалах, которые уже сделаны в течение одного или двух последних лет. Мы обсуждаем, и опять будто мы на одном месте и стоим.

Уважаемые друзья, я больше тридцати лет работаю в сфере сотрудничества между Ираном и Россией в МИД ИРИ. С периода Бориса Ельцина до Владимира Путина рассматриваю отношения двух стран. В Иране тоже, смотря на то, что был взгляд на Запад или на Восток, все, конечно, пытались серьезно развивать экономические отношения между ИРИ и РФ. Но к большим сожалениям, мы не смогли воспользоваться этим потенциалом.

Нескольких месяцев я вернулся из Украины, где занимал пост Чрезвычайного и Полномочного Посла.

А до этого шесть лет руководил Департаментом по ирано-российским отношениям в МИД ИРИ. И когда вернулся из Украины, попросил у коллег, которые работают в посольстве в РФ, короткий отчет о двухсторонних отношениях. Прочитав отчет МИД ИРИ и посольства в РФ, убедился в том, что у нас наблюдается укрепление сотрудничества только в некоторых сферах. Например, товарооборот между нашими странами увеличился за год на 15%. Некоторые совместные проекты начали реализовываться, но сохраняются на их пути препятствия. Мы по-прежнему не развиваем сотрудничество в основополагающих областях. Так, еще в 2013 году (необходимо уточнить) Россия предоставила Ирану кредит на сумму 5 млрд. долл. И тогда договорились насчет того, что на эту сумму выполнятся ряд проектов в ИРИ. Но, многие из них так и остались нереализованными. И до сих пор обе стороны заняты тем, что исправляют первоначальный текст соглашения. Из указанной суммы удалось освоить менее половины выделенного Москвой кредита.

На протяжении нескольких лет Центральные банки ИРИ и РФ пытаются решить проблему обмена сообщениями (аналог системы SWIFT), но серьезного результата все нет. По поводу МТК «Север-Юг» тоже много не реализовано. Хотя это один из важнейших проектов. И остальные проекты, которые находятся на этапе переговоров. А почему экономические отношения между Ираном и Россией до сих пор на таком первоначальном этапе? Ведь мы с Россией уже около 500 лет вместе работаем и ведем бизнес.

До начала XX века Россия считалась главным торгово-экономическим партнером Ирана. И обе страны в соседстве находятся через море. Конечно, мне, как и В. Наумкину, тоже неловко говорить, что спустя 30 лет после распада СССР товарооборот между Ираном и Россией составляет около 5 млрд. долл. С учетом того, что товарооборот между ОАЭ и ИРИ составляет около

16 млрд. долл. (в три раза больше, чем с Россией).

Причины этого. Во-первых, отношения Ирана с Россией в течение этих долгих лет не было экономическим, а военно-политическим. Во-вторых, наши отношения часто носили конъюнктурный характер и находились под влиянием других стран. Как только ИРИ подписала СВПД, российская сторона стала укреплять экономические отношения. А после выхода президента США Д. Трампа из СВПД, РФ вновь ограничила двусторонние отношения. После того, как ввели западные санкции из-за СВО РФ опять приблизилась к Ирану. Вопрос заключается в том, что произойдет, когда СВО как закончится.

Еще несколько причин. У нас явно недостаточно отношений в сфере туризма. А это как промышленность, так и взаимный бизнес. Экономика обеих стран друг друга не дополняют. Еще одна причина заключается в том, что иранские и российские бизнесмены имеют западный взгляд и больше предпочитают работать с Западом. По факту мы имеем единственный мегапроект – строительство АЭС в Бушере.

И последнее замечание. Если мы хотим в мире совершить изменения, то нам в своих экономических отношениях тоже придется измениться. Иначе опять через два или пять лет мы соберемся и скажем о больших потенциалах. И нам стыдно будет говорить о взаимном товарообороте.

Д.С. Крылов,

научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН
(Россия)

Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений

Я проводил исследование вместе с заведующим отделом ближнего и постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Владимиром Алексеевичем Аватковым по вопросу российских идеологем, то есть идей, которые проводятся во внешнеполитическом курсе России, которые озвучиваются лидерами общественного мнения, преимущественно, конечно, это наш президент Владимир Владимирович Путин, которые озвучивались им в 2022 году после начала специальной военной операции и примерно так до октября месяца, до выступления Владимира Владимировича на конференции на Валдае.

Основополагающим документом, основополагающим выступлением, на мой взгляд, является георгиевская речь Путина в сентябре 22 года во время принятия в состав Российской Федерации четырех новых субъектов, на котором был выдвинут целый комплекс идей и тезисов, которые в совокупности своей с учетом

современных международных реалий формирует достаточно стройную систему идеологем.

То есть в отличие от идеологии, которая более классически у нас принята в дискурсе, идеологема – это не некая жесткая структура, которая четко ограничивает внешнеполитический курс или внутривнутриполитический курс, это набор идей, набор концепций, которые могут подбираться под конкретное направление внешней политики, под конкретный вопрос политический в целом.

И во время выступления в Георгиевском зале президентом России были выдвинуты ряд идей, которые, в общем-то, являются основополагающими для российской внешней политики. В частности, это переход к полицентричному или многополярному миру, о котором говорили в рамках пленарного заседания, при этом как бы переход к полицентричности не нова в российском политическом дискурсе, об этом говорили еще Богатуров в 1996 году, Лебедь в 2000 году. В конце концов, Владимир Владимирович Путин сам об этом заявлял еще в мюнхенской речи в 2007 году, и вот мы как бы постепенно, поступательно мы продвигаем этот тезис, он не уходит никогда из политического дискурса России.

И на самом деле в условиях трансформации всей системы международных отношений, которая началась после специальной военной операции, этот тезис не утрачивает своей значимости и на внешнеполитической арене, особенно при взаимодействии с нашими ближневосточными коллегами с многими, с теми игроками, в особенности которые на Ближнем Востоке на геополитическом пространстве Ближнего Востока определяют все процессы, это как раз-таки исламская республика Иран, турецкая республика, Саудовская Аравия, Израиль и арабская республика Египет.

Вместе с ним помимо позитивных каких-то внешнеполитических идеологем, продвижения своих каких-то идей Россия выступает против агрессивной пропаган-

ды построения мира и фейков, которое продвигается Западом, выступает против колониальной политики и диктата США. Россия не является мировым гегемоном, не стремится к господству, установления диктата во всем мире, не стремится ставить народы и государства на колени и подчинять их своим амбициям, идеям, нормам, ценностям и правилам. Не ведет экспансионистской или односторонней эксплуатационной модели во внешней политике.

Это то, что нас отличает от многих западных партнеров, и наш взгляд в рамках исследования, это очень яркая, очень значимая часть нашей внешней политики. Вместе с тем основополагающими сейчас становятся тезисы суверенитета, свободы, созидания, справедливости, человеколюбие, милосердие и сострадание, это все то, о чем говорил Владимир Владимирович Путин в рамках различных выступлений в 2022 году. Переходя к региону Ближнего Востока, скажем так, я в целом в рамках своих научных изысканий занимаюсь ближневосточной подсистемой в целом международных отношений с конкретизацией на отдельные государства только в рамках каких-то определенных кейсов.

Поэтому я тем более не являюсь специалистом по Ирану, как минимум, я не владею фарси. Но тем не менее, оценивая российско-иранские отношения в контексте всей системы международных отношений в целом и в контексте ближневосточной подсистемы, то я хотел бы отметить, что сейчас в контексте возможного заключения ядерной сделки с Ираном, в рамках СВПД, о которой уже говорил уже предыдущий спикер, Москва выступает за справедливые условия, которые бы не ставили под сомнение суверенность Тегерана и вместе с тем обеспечивали бы сохранение баланса сил в сфере ядерных технологий.

Заключение сделки с Ираном, на мой взгляд, как специалист по международным отношениям, абстрагируясь, наверное, немножко от экономических, оно

способно сохранить, во-первых, баланс сил в сфере ядерных технологий и вместе с тем снизить угрозу возможного распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке и дестабилизации региона в целом, поскольку если Иран, например, получит какие-то ядерные технологии, ядерное оружие, если это, например, так возникнет, то может возникнуть ситуация, когда другие государства Ближней Востока также захотят получить какое-то ядерное оружие в рамках сохранения паритета. И вместе с тем мы выступаем за то, что Запад не должен ставить условий, не должен предъявлять ультиматумы Ирану в контексте ведения переговоров по СВПД, и должен быть конструктивный диалог и конструктивное общение.

И кроме того, у России с Ираном активное и тесное сотрудничество идет по линии формата в рамках сирийского урегулирования, и в этом контексте сейчас очень много схождения позиций, и собственно говоря, сегодня проходили, например, четырехсторонние переговоры как раз-таки по сельской тематике. Таким образом, подводя итог, у России и Ирана имеется достаточно много точек соприкосновения, идей, ценностей, которые важны для обоих государств, и в этом контексте, на мой взгляд, в будущем возможно еще большее упрочнение и переход взаимодействия в еще более конструктивном русле.

Е.В. Дунаева,

старший научный сотрудник сектора Ирана

Института востоковедения РАН,

кандидат исторических наук

(Россия)

Интересы России и Ирана в рамках ЕАЭС

Я думаю, для всех тех, кто занимается проблемами российско-иранских отношений сегодня ясно, что без развития экономического компонента картина взаимоотношений двух сторон наших не может быть полной. И для того чтобы решить вот эту проблему резкого расширения экономических связей, необходимо решить целый комплекс проблем. И если тебе проблемы, которые касаются двухсторонних российско-иранских отношений, затрагивала Нина Михайловна и обратил на них внимание на них господин Моради, то я хочу сказать, что сегодня для России и Ирана есть еще возможности взаимодействия в других форматах, форматах, связанных с евразийской интеграцией, которые активно позволят вывести двусторонние наши экономические отношения на более высокий уровень, которые будут способствовать минимизации последствий западных санкций.

Двум сторонам дадут возможность реализовать программы импортозамещения или в Иране больше говорят о развитии не нефтяного экспорта. Отладить систему международных транспортных потоков и тем самым обеспечить устойчивость своих экономик, продолжить модернизационное развитие. Хочу сказать,

что благодаря своему геостратегическому положению, природному, экономическому потенциалу Иран очень логично вписывается в формирующиеся на евразийском пространстве структуры.

Я имею в виду в первую очередь ЕАЭС. Мы наблюдаем активизацию участия Ирана в этих процессах. Мы знаем, что ЕАЭС организация чисто экономическая. Она демонстрирует стремление к ограничению любого внешнего воздействия. Она нацелена на проведение всесторонней модернизации, кооперации входящих в нее стран и выявляет готовность к повышению конкурентоспособности национальных экономик.

Краткий анализ деятельности за 2022 год, уже в условиях наложения санкций на Россию и Белоруссию, два основных члена, показывает определенное некоторое снижение валового внутреннего продукта приблизительно на два процента по итогам 2022 года. Но надо обратить внимание и на то, что за этот период – у меня данные по трем кварталам 2022 года – ВВП Армении увеличился на 12,6 процентов, Кыргызстана – на 7,2 процента, Казахстана – на 3 процента. Это при том, что два других члена находились под санкциями. Да, ВВП России и Белоруссии сократился, соответственно, на 3,5 и 4,7 процента, но это не так значительно, как предполагалось с началом санкционного периода.

Надо сказать, что при этом торговля, наоборот, продемонстрировала достаточно успешную динамику. Во внешней торговле ЕАЭС за 2022 год наблюдалось увеличение экспорта товаров на 21%, а во взаимной торговле государств-членов – более чем на 14%. Опыт участия Ирана во временном соглашении с 2019 года, ведущим к образованию зоны свободной торговли с ЕАЭС, прошедший год в Тегеране был оценен как положительный, и было принято решение о том, что полномасштабно присоединение ИРИ к зоне свободной торговли отвечает национальным интересам, поскольку будет способствовать расширению ненефтяного экспор-

та, сократит влияние доллара на внешнюю торговлю ИРИ, откроет возможности финансовых расчетов в национальных валютах и тем самым укрепит позиции Ирана в международных торговых отношениях.

За 2021 год товарооборот Ирана и ЕАЭС показал рост более чем 70%. За десять месяцев 2022 года объем торговли увеличился еще на 25%, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Экспорт ИРИ в эти страны за десять месяцев 2022 года показал рост на 28 процентов, в том числе в Россию – на 30%. В три раза увеличился товарооборот Ирана и Белоруссию, который в 2022 году достиг 100 миллионов долларов. Конечно, в сравнении с торговлей Ирана и Индии, Ирана и Китая или даже Эмиратов, как здесь говорили, цифры еще минимальны, но надо сказать, что в этих цифрах фактически минимальна и роль углеводородов.

Надо сказать, что в совокупном объеме торговли ЕАЭС с Ираном 80 процентов приходится пока на Россию. Слишком незначительна еще и доля Ирана в целом товарообороте стран ЕАЭС – это всего 0,5%. Но оценки объемов иранских поставок за первые три месяца нового 2023 года свидетельствуют о том, что в 2023 году ситуация с иранскими поставками может измениться. Например, уже в отношениях с Киргизией за три месяца этого года товарооборот перевалил 14 миллионов, а за весь прошлый год было шестнадцать, то есть здесь значительный рост.

В январе 2023 года Иран и ЕАЭС согласовали большую часть основных вопросов для завершения переговоров по полномасштабному соглашению о зоне свободной торговли. Составлен список, в который вошло более 900 наименований товаров, на которые тарифы будут обнуляться или будут снижаться. Еще идет согласование относительно взаимного доступа на рынок отдельных категорий аграрной продукции. По данным российской стороны, здесь проблемы с Ираном. Ожидается, что, правда, летом соглашение будет

подписано и Иран станет официально членом зоны свободной торговли ЕАЭС, что, несомненно, расширит объемы товарооборота.

Надо отметить, что пока до сих пор еще значительная часть (это около 80 процентов) товарооборота ЕАЭС с Ираном – это сельхозпродукты, но со стороны Ирана 60 процентов его экспорта – это промышленные товары, но, в том числе, товары пищевой промышленности. Такая ситуация, то есть поставки промышленных товаров открывают возможности для кооперации в производстве и переработке. В целом надо сказать, что в рамках ЕАЭС взаимодействие стран решает задачи обеспечения продовольственной безопасности.

В интересах двух сторон будет участие в инвестиционных проектах ЕАЭС, которые предусматривает стратегия развития ЕАЭС 2020–2030. Это создание объединенных евразийских компаний и создание евразийских промышленных кластеров. Программа развития ЕАЭС включает также создание зон свободной торговли с третьими странами. Как известно, целый ряд государств, в том числе Арабские Эмираты, Египет, Индия, Индонезия, Таиланд, Чили, Никарагуа, Монголия, Куба, Алжир, Эфиопия, проявляют интерес к взаимодействию с этой структурой.

Создание зон свободной торговли с некоторыми из этих государств откроет дополнительные возможности для экономического взаимодействия и России, и Ирана с третьими партнерами, что, естественно, даст дополнительную выгоду. Высший евразийский совет в декабре 2022 года рассмотрел вопрос о формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза – я знаю, Аза Ашотовна занималась этими проблемами – где принято решение о расширении единого рынка газа. Координация политики в этой области с Ираном, создание с ним общего газового и энергетического рынка также может быть весьма эффективно для всех членов этого интеграционного объединения.

Со стороны государств ЕАЭС акцентировались возможности реализации конкурентных преимуществ на иранском рынке, а также использование транзитных возможностей Ирана, о чем здесь уже много говорилось. Транспортный потенциал – это уникальный геостратегический и геоэкономический ресурс Ирана. Он включается в многочисленные проекты ЕАЭС – например, в такой проект, как «Евразийский Агроэкспресс». Это ускоренные контейнерные железнодорожные мультимодальные перевозки сельскохозяйственной продукции и продовольствия на внутренние и внешние рынки.

В 2022 году объем поставок сельхозпродукции в рамках этого совместного проекта превысил 500 тысяч тонн. В апреле этого года, на прошлой неделе, в проект «Евразийский Агроэкспресс» подключены перевозки через Иран, Туркмению, Индию и ОАЭ. В рамках выстраивания стратегии большого евразийского партнерства идет сейчас проработка механизмов и направлений партнерства ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, а возможно, и АСЕАН, для чего может быть использован наиболее, так сказать, сильный опыт каждого из этих интеграционных объединений. Участие в таких проектах России и Ирана – это еще, во-первых, одна возможность уйти из-под влияния санкций и с точки зрения решения финансовых проблем, и с точки зрения альтернативного экспорта.

В рамках формирования большого евразийского партнерства идет работа по выстраиванию сегодня единого транспортного каркаса, который предусматривает синхронизацию конкретных международных транспортных коридоров в ЕАЭС и ШОС. Среди семи приоритетных проектов евразийских транспортных коридоров три, в том числе и в плане их сопряжения с китайской инициативой пояс, или путь, в той или иной степени проходят через территорию Ирана. В планах цифровизации транспортных коридоров и

маршрутов большой Евразии еще идет проект создания единой системы таможенного транзита в евразийском макрорегионе, к чему тоже, несомненно, должен подключиться Иран.

Взаимодействие Ирана в рамках экономических проектов ШОС поможет решить такие проблемы, как дедолларизация, приоритетное развитие инфраструктурных объектов, развитие зеленой энергетики и, главное, совместные экологические программы, в том числе сегодня уже поднимался вопрос по решению проблем воды. Особенно, допустим, районы Кура и Аракс – это сейчас очень чувствительные для Ирана тоже районы. Взаимное участие России и Ирана в макрорегиональных проектах, их интегрированность в другие экономические структуры повысит уровень экономического взаимодействия между ними.

СЕКЦИЯ 3.
Военно-политические аспекты
российско-иранского сотрудничества
на Южном Кавказе и в Центральной Азии

Б.В. Долгов,
ведущий научный сотрудник Центра арабских исследований
Института востоковедения РАН,
доктор исторических наук
(Россия)

Российско-иранское сотрудничество в Сирии

Здесь уже говорилось о связях России и Ирана, достаточно исторически сложившихся и продолжающихся несколько столетий. Прямые дипломатические контакты между Россией и Ираном официально относятся к XVI веку. Так что уже пять веков мы имеем вот такие вот официальные отношения.

Важным вкладом в укрепление договорно-правовой базы российско-иранских отношений стало подписание в марте 2001 года президентами России и Ирана договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Россией и Ираном. Российско-иранский политический диалог основывается на совпадении или близости позиций двух стран по большинству вопросов мировой и региональной политики, в частности – построению многополярного миропорядка, основанного на международном праве, укреплению роли ООН в международных делах, противодействию новым вызовам и угрозам.

Взаимодействие с Ираном является важным направлением внешней политики России, нацеленной на укрепление, стабильность и безопасность в Закавказье, в Центральной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. Между Россией и Ираном поддерживаются постоянные

контакты на высшем уровне. В июле 2022 года президент России совершил рабочий визит в Иран. В Тегеране состоялся трехсторонний саммит по сирийскому урегулированию. Состоялась также двухсторонняя встреча президента Владимира Путина с президентом Ирана Ибрахимом Раиси.

Президенты двух стран регулярно общаются в рамках Астанинского формата по сирийскому урегулированию. Наряду с этим, как подтвердил посол Ирана в Российской Федерации, российско-иранское сотрудничество в противодействии террористическим группировкам в Сирии является также способом противостоять тем, кто пытается навязать миру свою гегемонию. На постоянной основе проводятся консультации российского и иранского МИДа по вопросам двухсторонних отношений, проблемам Ближнего Востока и Северной Африки и, в особенности, урегулирования конфликта в Сирии.

Что касается истории сирийского кризиса, то здесь прежде всего надо говорить, что сирийский кризис является особой частью «арабской весны». Если мы говорим о начале арабской весны в таких странах, как Тунис и Египет, здесь главным фактором были внутренние проблемы, социально-экономический кризис, который привел вот к таким протестным манифестациям. Если мы говорим по поводу Сирии и Ливии, здесь главные факторы были внешними – вмешательство внешних сил, нелегитимное вмешательство, в том числе и в военно-политическом аспекте, которые привели к известным кризисам и явлениям – к нарушению государственности в Ливии и к продолжающемуся до сих пор конфликту в Сирии.

Иран и Россия усилили по мере радикализации сирийского кризиса свою политико-дипломатическую, экономическую и военно-политическую помощь Сирийской Арабской Республике. При этом Россия, наряду с Ираном, действовала в Сирии в соответствии

с официальной просьбой законного правительства Сирийской Арабской Республики. Иран и ливанское движение «Хезболла» оказывали Сирии значительную поддержку в борьбе против радикальной вооруженной оппозиции. При содействии Ирана в Сирии были дислоцированы добровольческие отряды из Ирака и Афганистана, боровшиеся против ИГИЛ и аффилированных с ним радикальных группировок сирийской вооруженной оппозиции.

Данные военные контингенты сыграли существенную роль в ходе наступательных операций сирийской правительственной армии в 2015-2016 годах. В конце сентября 2015 года, в соответствии с официальной просьбой сирийского правительства, российские воздушно-космические силы начали наносить ракетно-бомбовые удары по позициям боевиков ИГИЛ в Сирии. С 2015 года Иран и Россия координировали свои действия в рамках военной операции в Сирии, что привело к поражению ИГИЛ и союзных ему сил, представленных такими экстремистскими группировками, как «Джабхат ан-Нусра», «Джейш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам», «Джемаа Исламия», «Джейш аль-Фатх»».

За годы сирийского конфликта иранская и российская военная поддержка стала одной из важнейших опор для борьбы сирийского народа против террористических группировок и нелегитимного иностранного вмешательства. Наряду с этим из России и Ирана в Сирию осуществлялись поставки необходимых материалов, в том числе военно-техническое сотрудничество и финансово-экономическая поддержка. Между Россией и Ираном подписана серия двухсторонних соглашений о сотрудничестве.

Россия и Иран уделяют большое внимание политическому урегулированию сирийского конфликта. По их инициативе и инициативе Турции регулярно с 2017 года проходят переговоры в рамках Астанинско-

го формата. Так, на саммите Астанинского формата в 2022 году президент Владимир Путин подтвердил, что вместе с иранскими и турецкими партнерами, в координации со спецпосланником ООН по Сирии, мы готовы и далее всячески помогать стабильному и бесперебойному функционированию, а также Сирийскому конституционному комитету, сохраняя за Астанинским форматом лидирующую роль в сирийском урегулировании.

Благодаря эффективной совместной работе участников Астанинского формата террористическая угроза в Сирийской Арабской Республике в последние годы неуклонно снижается. С российской стороны была подтверждена принципиальная позиция о том, чтобы Заевфратье вернулось под контроль законного правительства Сирии. В свою очередь президент Ирана Раиси отметил, что необходимо прилагать усилия для решения экономических проблем народа Сирии. Нельзя предпринимать шаги, которые нарушали бы суверенитет Сирии, и все принимаемые меры должны предусматривать сохранение территориальной целостности Сирийской Арабской Республики.

Мы также подтвердили необходимость осудить атаки Израиля против Сирии, которые нарушают суверенитет Сирии и должны быть немедленно прекращены. Новый этап развития ситуации в Сирии, последовавший после подавления ИГИЛ, предоставлял возможность приступить к политическому урегулированию конфликта. Однако действия внешних акторов и нелегитимное присутствие в Сирии их вооруженных формирований значительно затрудняли этот процесс и являлись главной причиной продолжения кризиса.

Так, США создали на территории Сирии свои опорные пункты, в частности на северо-востоке, где действуют контролируемые Соединенными Штатами вооруженные формирования, состоявшие из представителей курдской и других общин, формирующих

свои местные органы власти. Наиболее значительным американским военным объектом в Сирии является военная база в районе Эт-Танф, на юге Сирии. Здесь дислоцированы подразделения спецназа США и их союзников, военный аэродром и другие военные объекты.

В этом же районе расположен крупный лагерь для сирийских беженцев Эр-Рукбан, где находится несколько десятков тысяч беженцев, причем контроль над ним полностью осуществляется вооруженными оппозиционными группировками, среди которых находились также боевики ИГИЛ, которых, в свою очередь, курируют американские военные, располагающиеся на военной базе Эт-Танф. Руководство США, несмотря на ранее звучавшие обещания о выводе американских военных из Сирии, заявило, что американские подразделения останутся в районах сирийских нефтяных месторождений (район Дейр-эз-Зор и другие районы) якобы для их охраны в случае возможных атак со стороны оставшихся отрядов ИГИЛ.

Здесь, в этих районах, активно ведется добыча и переработка нефтяными компаниями, нефтедобыча, компаниями, называемыми сирийскими, но полностью контролируемые США. Наряду с находившимися в этих районах под эгидой США курдскими вооруженными формированиями, сюда были направлены подготовленные американскими инструкторами боевики сирийской вооруженной оппозиции, а также военнослужащие из американских частных военных компаний. В связи с данными неправомерными действиями США сирийское правительство заявляло неоднократно резкие протесты и требовало вывода американских воинских формирований и возвращения данного района под юрисдикцию Сирийской Арабской Республики.

В свою очередь, руководство племенных союзов, которые населяют северо-восточные провинции Сирии, неоднократно выступало против расширения иностран-

ного присутствия в регионе и выражало лояльность сирийскому правительству. Так, лидеры арабских племенных структур Заевфратья выступили с заявлением за сохранение территориальной целостности Сирии под руководством президента Башара Асада. В то же время Израиль объявил о своем суверенитете над сирийским районом Голанских высот, оккупируемым им со времени арабо-израильской войны 1967 года.

При этом такие действия Израиля нарушают резолюцию ООН, признающую Голанские высоты оккупированной территорией и требующую их возвращения Сирии. Тем не менее, США признали данное решение Израиля правомерным. Наряду с этим израильские ВВС периодически наносят удары по территории Сирии, причем такие удары израильских ВВС зачастую осуществляются в районе международного аэропорта вблизи Дамаска, представляя опасность для гражданских самолетов. Действия внешних акторов, пытающихся использовать сирийский конфликт для продвижения своих интересов ведет как к затягиванию его политического урегулирования, так и к продолжению дестабилизации и обострению ситуации в регионе.

Подтверждением этого стало обострение конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу принадлежности района Нагорного Карабаха. При этом представители Армении и ряд зарубежных средств массовой информации заявляли об участии сирийских боевиков из радикальных исламистских группировок в этом конфликте на стороне Азербайджана. В свою очередь, направление в район Нагорного Карабаха сирийских боевиков, в том числе из радикальных исламистских группировок, запрещенных в России и признанных ООН террористическими, а именно – «Джабхат ан-Нусра», «Фиркат Хамза», «Султан Мурад», подтвердили также руководитель Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин и президент Франции Макрон.

При этом Сергей Нарышкин отметил возможность проникновения данных исламистских боевиков на территорию России и возникновение угрозы совершения ими здесь террористических актов. Также отмечалось руководством Донецкой и Луганской Народных Республик участие исламистских боевиков из сирийских террористических группировок в конфликте на Украине на стороне украинского режима. Здесь надо сказать, что союзническое сотрудничество между Россией и Ираном продолжается.

Усилия обеих стран в Сирии направлены на окончательное решение сирийского конфликта с соблюдением территориальной целостности и суверенитета сирийского правительства на всей территории Сирийской Арабской Республики, прекращение нелегитимного присутствия и вмешательства иностранных военных сил в Сирии, а также на окончательное подавление террористических группировок и недопущение распространения террористической угрозы в регионе. Я также хотел бы отметить, что это сотрудничество Ирана и России в Сирии представляется на нынешний момент необходимым и очень значимым фактором, поскольку такое сотрудничество между двумя странами – это сотрудничество, основанное на общих угрозах.

Если мы вспомним, лидеры ряда западных государств, прежде всего Соединенных Штатов, в отношении России заявляли о том, что в украинском конфликте имеется шанс – это я цитирую – шанс для Запада нанести стратегическое поражение России. Это не просто угрозы, поскольку для Запада, как мы наблюдаем, сейчас главными противниками, что записано в программе национальной обороны Соединенных Штатов, являются Россия, Китай, Иран и Северная Корея, но прежде всего Россия, Китай и Иран. Вот этот конфликт на Украине, а также конфликт в Сирии – это те конфликты, где Запад и Соединенные Штаты прежде всего пытаются осуществить вот эти свои угрозы.

Поэтому вот это сотрудничество между Россией и Ираном, в том числе военно-техническое и экономическое сотрудничество, о котором здесь много говорилось, – это очень важное сотрудничество, которое основано не только на взаимовыгодных отношениях в экономическом плане, но и в плане такого, я бы сказал так, экзистенциального конфликта, который сейчас происходит в частности между Россией и Западом, а в принципе – между Западом, Китаем и Ираном. Вот это сотрудничество этих трех стран – это важный фактор для того, чтобы противостоять этой угрозе и бороться за свои национальные интересы и, в том числе, за создание такого нового миропорядка.

В.И. Белов,
профессор кафедры теории
и истории международных отношений РУДН,
доктор исторических наук
(Россия)

Стратегические вызовы безопасности Ирана на Ближнем и Среднем Востоке

Сегодня уже Федор Валентинович Черницын отмечал два такого рода глобальных вызова, как ресурсно-климатический вызов и вызов технологического перехода, которые своим следствием имеют ценностно-ориентированные вызовы. Как он сказал, борьба за умы и ценности – тот вызов, который предстоит решать, видимо, на площадке цивилизаций, а не только экономик, и в этой связи отметил роль Ирана как страны цивилизаций.

Я бы добавил к этим вызовам еще несколько вызовов, о которых написал буквально два года назад, выступая с аналогичным докладом в стенах Института стран СНГ. Я тогда отмечал, что геополитический вызов был связан с проблемой Нагорного Карабаха, а конкретно – это проблема пересмотра границ в регионе и проблема, соответственно, реализации геополитических сценариев, то есть проблема войны и мира как проблема безопасности сиюминутного уровня актуальности.

Еще два вызова я отмечал. В том числе, это проблема изоляции Ирана, севера и востока, в связи с наметками тюркского коридора, и, наконец, самый

существенный вызов – это проблема лидерства Ирана в регионе, проблема нового лидерства. Тогда я отметил, что в этом вопросе остается еще много неосмысленного теоретически. Я надеюсь, что сегодня я смогу, может быть, какие-то ответы на этот вопрос тоже предложить.

Это несколько предварительных замечаний. Может быть, как говорится, *out of регламент*, но, так сказать, они, наверное, были полезны для того, чтобы понимать, что тема эта присутствует в нашем пространстве, в академическом пространстве, с середины девяностых годов активно. Содержание сегодняшней презентации: вызов регионализма, процесс кристаллизации международной ситуации, комплексная безопасность, евразийское транспортно-логистическое интегрированное пространство, региональное лидерство Ирана, позиционирование цивилизационной инициативы для Ирана.

В первую очередь, конечно, мы говорим о вызове регионализации. Я считаю, что объективных вызовов больше, конечно, чем сегодня отметил уважаемый представитель аппарата правительства. Не только ресурсно-климатические, не только технологические вызовы, но и есть вызовы глобализации. В частности, это вызов регионализации, потому что бессмысленно противопоставлять эти два процесса.

Регионализация суть начальная фаза, первый этап глобализации. Она сейчас находится, судя по всему, на своем втором уровне, который можно назвать глобализация как мегарегионализация, в отличие от регионализации глобального типа, который мы наблюдали в девяностые, нулевые и десятые годы. Она меняет систему всех пространственных координат. Собственно, это и есть то, что сегодня мы должны обсуждать. Что в фокусе этого нового глобального региона должно быть? Что должно быть в фокусе этой государственной политики той страны, которая нацелена, претендует на роль доминирующего государства?

Это вот то новое качество страны-лидера, которое сменило качество, когда регион определяла система баланса сил. Проблема сопряжения четырех основных пространств развития: север, юг, запад, восток. Сегодня уже прозвучала эта тема. Это не только мое изобретение, а это изобрели еще в Китае. Это впервые сформулировал Ден Сяопин еще где-то в 1985 году, что, на самом деле, для такого рода сотрудничества развивающегося государства, нового лидера, нового мира это значимое направление: север, юг, запад и восток.

Иран, кстати, сегодня в своей политике, экономической и внешнеэкономической деятельности, строительстве мостов и транспортных магистралей реализует такой подход. Я неоднократно писал о том, что сформирован уже не каспийский крест даже, а уже звезда даже целая сформулирована и сформирована. Вместе с тем формируемый при этом положительный или отрицательный имидж становится основанием для появления в регионе того или иного аттрактора. Вот в Африке до сих пор еще жив аттрактор Советского Союза, ну, скажем, арабский социализм.

Какой аттрактор сегодня должен прийти на Ближнем и Среднем Востоке на смену того аттрактора, который был связан, скажем, с Западом, а перед этим – с Советским Союзом? Некая принципиальная парадигма и модель построения перспективного будущего – вот о чем сегодня, наверное, мы должны подумать вместе. Процесс кристаллизации международной ситуации в регионе, геополитический аспект. Посмотрите: 2021 год. Этот процесс был подчеркнут созданием военно-политической структуры географически безразмерного характера – альянс AUKUS (Великобритания, США, Австралия). Был создан треугольник силы, который имеет глобальное измерение.

Я нарисовал две карты. Одна карта – это та самая карта, которая включала Иран, Австралию и США. Но какое различие. Смотрите. Треугольник семидесятых

годов – Австралия, Иран и ЮАР – который так и не возник, но обсуждался, для Индийского океана, под зонтиком (umbrella) Соединенных Штатов Америки, то есть это была политика выстраивания региональной ситуации, в данном случае в Индийском океане, через треугольнички силы. Но США при этом сохраняли себя на международном, как мы сейчас сказали, глобальном уровне.

Вот новое прочтение того же проекта. Собственно, американцы не очень далеко отходят от своих рецептов, как Буш-младший и старший однажды подтвердили в Ираке и Кувейте. Посмотрите. Теперь это глобальный треугольник влияния, где американцы являются одной из несущих вершин. Вторая ситуация, второй процесс – это геоэкономика плюс геополитика. Это, собственно, то, что предлагают Россия и Китай. Формирование межрегиональных торгово-экономических союзов и сопряжение интеграционных проектов на евразийском и шире – афроевразийском пространстве.

Мы уже ушли от только евразийского понимания того, что эти инициативы распространяются и на Африку тоже. Это «Один пояс – один путь», 2013 год. Это идейная платформа сообщества общей судьбы, которая предложена Китаем, и российская инициатива Концепция российского партнерства 2015 года в качестве возможного общего подхода к интеграции Евразии путем совместной реализации масштабных евразийских проектов. Примером такого масштабного евразийского проекта выступает, в том числе, МТК «Север – Юг».

Почему геополитика? Потому что мы наблюдаем просто переход мира от фазы морской геополитики, от доминирования морской силы к континентальной геополитике. А континентальная геополитика – это не морские маршруты, а это сухопутные маршруты транспортировки грузов. Поэтому если идет актуализация сухопутной геополитики, то логично тогда выстраивать новые маршруты на сухопутном пространстве, что,

собственно, и предложено было неслучайно уже с 2000 года МТК «Север – Юг» и дополнено в 2013 году «Один пояс – один путь».

Третий вариант кристаллизации международной ситуации, который предлагается, демонстрирует БРИКС. Это на глобальном уровне, в отличие от ШОС, на региональном уровне. Здесь мы наблюдаем уже пять цивилизаций, объединенных в единое целое политической волей, то есть политика ведет за собой экономику. Надо понять, что если мы находимся в фазе перехода вызовов двух, если не сказать трех, объективных вызовов перехода, то, значит, тогда политика обязана быть первой. Мы понимаем боязнь США, которые понимают, что если политика первая, экономика вторая, то не будет демократии в том понимании, какое они выстроили в Соединенных Штатах Америки, но это их проблемы.

Теперь что касается БРИКС. Здесь мы видим цивилизационный подход в геэкономике и геополитике. Это карта, которая нарисована моей исследовательской группой. Она показывает актуальное пространство сотрудничества, и, что очень важно, вот эти синие треугольнички, кружочки – это и есть форматы БРИКС-аутрич и БРИКС+, где регион Центральной Азии в отношениях между Китаем, Ираном, скажем, если он будет членом БРИКС, Индией и Россией становится порталом (gate) сотрудничества, входа в пространство БРИКС, а не местом конкуренции за рынки сбыта, как это было в логике геополитических схем Запада.

Конечно, комплексная безопасность. Это тот общий вызов, который перед нами всеми сейчас стоит, просто мы его не видели, пока не почувствовали, что мы теперь сами отвечаем за судьбы мира, без Запада. Да, санкционный занавес опущен, и мы должны принять это как данность, и взять на себя ответственность, в том числе ответственность за всю планету. Это значит, что и достижение, например, цели устойчивого развития тоже никто не отменял. Их можно модифицировать.

Над этим надо работать, чтобы они были справедливые и адекватные.

Смотрите. Цель № 2, 3, 6, 7, 9, 11, 12, 13 – это цели, которые сопряжены с транспортными аспектами. Если мы говорим о транспортном каркасе шивания Евразии, как об этом было сказано в докладе Елены Викторовны Дунаевой, то тогда мы понимаем, что нам надо думать о том, какие у нас есть ориентиры для инфраструктуры и транспорта, то есть то, что называется экономика, социальность и управление, в том числе ESG-ориентиры. Ведь мы понимаем, что сейчас тот же МТК «Север – Юг» ...

Я беседовал с крупными бизнесменами из арабского Востока, которые, не зная, что я специалист по этому вопросу, достаточно легко говорили: «Что такое этот МТК? Это набор стран». Нет такого коридора, это набор стран. Каждый делает то, что считает возможным и нужным. Давайте делать что-то вместе. Поэтому я набросал несколько предложений. Назовем это все Евразийское транспортно-логистическое интегрированное пространство. Ничего нового в этом нет. В 2003 году была третья Евроазиатская транспортная конференция, где такое решение было принято.

Обратимся к документам, возьмем ссылку на этот документ, чтобы нас не обвиняли в том, что мы сочиняем что-то новое. Ничего нового, все было обосновано еще двадцать лет назад. Что можно сделать? Десять шагов. Я не буду все перечислять, но первые два я назову. Создать цифрового двойника международных транспортных коридоров, постепенно заполняя его фактическими данными всех участников транспортно-логистической деятельности, общей для всех. Второе – и вот с этого, может быть, даже надо начать – это создать специальные группы или комиссии, договориться о том, чтобы мы выработали согласованную систему евразийских стандартов единого интегрированного транспортно-логистического пространства.

Дальше я бы отметил еще несколько существенных моментов. Мы соотносим все это с региональным лидерством Ирана, с его позиционированием, где Иран предлагает миру свой исламский проект, исламскую идентичность. Он предлагает также свое участие в качестве геостратегического центра в проектом поле «Один пояс – один путь» Евразийского экономического союза совместно с Китаем, Индией, Пакистаном, Саудовской Аравией, ОАЭ, Ираком, Сирией, Турцией, Египтом и Россией. Он работает над созданием союза стран Юго-Западной Азии как мира экономики ожидаемого мира ислама. Надо понять, что все-таки делаем мы вместе.

Последний, наверное, очень существенный момент – это инструменты, которые есть у Ирана; основания, которые есть у Ирана; приоритеты, которые есть у Ирана. Основание, на мой взгляд, то, что цивилизация Ирана прошла путь 27 веков, сохранив при этом среду обитания, приумножив население, развив язык, традиции и культуру. Значит, это экологически ориентированная цивилизация, которая нужна миру. Ее приоритеты сегодня я бы назвал следующие. Обеспечение локальной безопасности. Это новый термин, который я предлагаю ученым взять на вооружение. Афганистан – это локальная безопасность. Человек и регион.

Второе – это континентальное сотрудничество регионов Азия плюс Африка. Здесь нам нужна нишевая, высокотехнологичная экономика и устойчивая национальная экономика в рамках транспортных коридоров. Мы идем от транспортных коридоров к устойчивой экономике. Вот тот вопрос, который был задан иранской стороной: «А на чем выстраивать?» На этом и можно выстраивать. Если транспортные коридоры будут требовать новые продукты, новые машины, если мы уйдем от бензиновых двигателей, скажем, к электрическим и газовым, скажем, в Иране на перевозках от Энзели до Каспия, то промышленность вся перестроится и не

надо будет делать сложных решений в правительстве, просто рынок организует ситуацию.

Нужна девестернизация. Это тот вызов, который мы сегодня ощущаем после ухода Америки из Афганистана. Less western. Возврат диалога цивилизаций. Пора вернуться к этому, потому что только на этом основании, как мы видим, логично решать вопросы, не уходя в зону войны. И, наконец, обеспечение комплексной безопасности в регионе, то есть переход к экологической, или тоухидной, если хотите, безопасности и цивилизации.

Поэтому мое конкретное предложение, моя цивилизационная инициатива для Ирана – это экологическая цивилизация для устойчивого развития мира во всем его биоразнообразии. Поддержат ли Иран с этой инициативой? Россия – да. Бразилия позиционирует себя как одного из мировых лидеров в сфере экологической безопасности. Египет реализует пятую цель национального развития: устойчивая окружающая среда. Индия всемирно поддерживает национальные инициативы в сфере зеленой экономики. Китай с 2007 года реализует национальную программу строительства экологоориентированной цивилизации, в том числе через международное сотрудничество: Великая зеленая стена Китая для Африки и другое. Россия – программа освоения Африки и построения системной экологической составляющей.

Саудовская Аравия и ОАЭ, Эмираты – проекты в сфере экологической повестки, в частности экологические города. Прикаспийские государства Центральной Азии и Южного Кавказа, в том числе Азербайджан – экологическая повестка в контексте трансграничного сотрудничества и упоминавшегося туризма. В регионе на втором экономическом форуме, в частности, звучало. И, наконец, экологическая повестка развивается в формате БРИКС, ШОС и других международных объединений. На этом бы я поставил сегодня точку.

Омар Нессар,

старший научный сотрудник Центра изучения стран
Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

Развитие ситуации в Афганистане и возможные направления российско-иранского сотрудничества

Мой доклад состоит из трех частей – это текущая ситуация в Афганистане, текущие вызовы и новые вызовы, основные направления возможного сотрудничества. С учетом того, что времени не так много и все устали, я сейчас сокращу и буквально одной-двумя фразами ограничусь. Но вначале хотелось бы сказать буквально одну фразу по поводу тех изменений, которые произошли в Афганистане, а именно – в 2021 году.

В нашем регионе произошли серьезные изменения. Контингент НАТО, находившийся около двадцати лет в Афганистане, покинул регион, и впервые за сорок лет талибам удалось установить самый высокий уровень контроля над территорией страны. Нынешняя власть Афганистана является наиболее независимой от внешних сил за последние сорок лет. Но в то же время спустя полтора года после смены власти в Кабуле становится ясно, что ситуация сильно не меняется, особенно в сфере безопасности и в гуманитарной области.

В сфере безопасности те угрозы, которые до этого существовали, они остаются. Особую тревогу в регионе,

и в Иране, и в России, вызывает активизация ИГИЛ. Не может не волновать страны региона высокий потенциал ИГИЛ к усилению, к расширению, к увеличению численности боевиков. Прежде всего это может случиться за счет недовольного непущтунского населения Афганистана, особенно на севере. Я хочу отметить, что на данный момент по разным данным численность боевиков ИГИЛ составляет шесть тысяч человек.

ИЗ ЗАЛА:

– Всего, да? Не по северу, а это всего?

– Да, это всего. Именно по северу нет актуальных данных, и эти данные в основном тоже озвучены официальными лицами. В гуманитарной сфере остается тоже ситуация тяжелая. Здесь необходимо отметить проблему беженцев, которые создают нагрузку прежде всего на соседние страны и особенно на Иран. Я перехожу к вызовам, но в целом хочу сказать, что и для России, и для Ирана основными вызовами остаются вызовы в сфере безопасности и в гуманитарной области.

Но к этим традиционным проблемам прибавились некоторые новые вызовы. Это обострение приграничной напряженности, в частности, включая вооруженные столкновения на линии границы с Пакистаном и с Ираном. Наблюдается обострение отношений между правительством Афганистана и соседними странами по водному вопросу. Причем если с некоторыми соседями это уже сейчас происходит, то с другими, вероятно, все впереди.

Хочу напомнить, что нынешняя власть Афганистана после взятия Кабула почти сразу приступила к реализации проекта Куштепа.

Это канал на севере Афганистана, который фактически отводит, который меняет русло реки Амударья. Это коснется, безусловно, и затронет интересы Узбекистана, Туркменистана и других стран Центральной Азии. Я считаю, что водный вопрос – это очень серьезный вызов, поскольку Афганистан относится к так называемым верховным странам, есть такое понятие.

Поэтому в принципе он может создать головную боль для почти всех своих соседей.

Еще один вызов – это планы Соединенных Штатов Америки закрепиться в регионе. Здесь уже было отмечено иранскими друзьями, и из Афганистана поступают тоже сообщения о том, что Соединенные Штаты Америки ищут разные варианты закрепиться в регионе. Конечно, речь не идет о военном присутствии непосредственно в Афганистане, но, очевидно, они не исключают военный контроль над ситуацией.

В частности, на эту проблему обратил внимание недавно Сергей Лавров, который на встрече в Китае выразил озабоченность в связи с планами Соединенных Штатов Америки закрепиться, создать военную базу в одной из соседних с Афганистаном стран. Соответственно, из Афганистана тоже поступают, как я отметил, сообщения. В частности, афганский политик Гульбеддин Хекматияр на днях, обращая внимание на эту проблему, заявил, что оккупация страны еще не завершилась. Он обратил внимание на патрулирование беспилотников и сделал вот такое заявление.

Какие существуют направления возможного сотрудничества между Ираном и Россией? Конечно, хотелось бы прежде всего сказать о крупных экономических проектах, о сотрудничестве в Чехбехаре, о развитии с последующим подключением Афганистана к проекту «Север – Юг» и так далее. Но существует целый ряд препятствий на пути реализации этих проектов с участием Афганистана. Прежде всего, безусловно, это вопросы безопасности. Ну и большую роль играет отсутствие легального статуса нынешнего правительства Афганистана, и, судя по всему, в ближайшее время этот статус не будет меняться.

Хотел отметить, что традиционно экспертное сообщество оценивает как высокий уровень различия в подходах стран региона по афганскому вопросу. Однако, как мне кажется, между Москвой и Тегераном

практически нет значимых разногласий относительно Афганистана, особенно относительно его будущего. Здесь хотел бы отметить, что здесь иранские друзья отметили, что исторически в фокусе российско-иранских отношений всегда находились военно-политические аспекты. Поэтому я думаю, что здесь сотрудничество по афганскому вопросу как раз отвечает этому.

На первом месте я бы поставил все-таки формирование в Кагуле по-настоящему инклюзивной политической системы с участием всех этнополитических групп. При этом понятно, что прямое вмешательство в дела Афганистана крайне нежелательно ни для Ирана, ни для России. Исходя из этого, интересам России и Ирана отвечает усиление умеренных талибов, готовых к достижению компромисса со всеми политическими группами Афганистана.

Однако, к сожалению, здесь необходимо отметить, что умеренные талибы теряют свои позиции. Последние шесть месяцев четко показывают тенденцию усиления радикальной части талибов в Кандагаре. Но ситуация может меняться. В девяностых годах талибы находились у власти пять лет, а за последние сорок лет в стране пять раз менялся политический режим, причем не просто политический режим, а политический порядок менялся. Исходя из этого, уместно поставить вопрос о том, сколько времени талибы будут находиться у власти на этот раз.

Мы в Институте востоковедения попытались смоделировать развитие ситуации в Афганистане и выделили четыре основных сценария развития ситуации. Я не хочу сейчас подробно на каждом остановиться. Хотел бы отметить один сценарий, который, на мой взгляд, является оптимальным и для России, и для Ирана – это внутриталибские изменения. Понятно, что талибы фрагментированы, в этом нет никаких сомнений.

Предпринимаемые лидером движения шаги, направленные на усиление его позиции в армии и в

исполнительной власти, свидетельствуют о глубине и масштабе разногласий в этом движении. На фоне этого для стран региона, особенно России и Ирана, было бы предпочтительным, чтобы умеренные талибы смогли найти консенсус с радикальными талибами, то есть, грубо говоря, с Кандагаром. Однако в том случае, если противостояние между сторонами перейдет в форму открытого конфликта, вероятным станет объединение части талибов с ИГИЛ или с другими радикальными группировками.

В этом случае наиболее вероятным становится военное вмешательство внешних сил, что крайне нежелательно для России и Ирана. Таким образом, необходимо быть готовыми к переменам в Афганистане, и, учитывая крайнюю нежелательность прямого военного вмешательства, необходимо иметь альтернативную талибам политическую силу, способную при необходимости не только к политическим действиям.

В.И. Сажин,

старший научный сотрудник сектора Ирана
Института востоковедения РАН, профессор,
кандидат исторических наук
(Россия)

Проблемы ирано-азербайджанских отношений в изменяющемся мире

Конечно, сегодня одной из взрывоопасных точек на планете является Южный Кавказ, представляющий собой конгломерат противоречий, порожденных историческими, этническими, религиозными, но, самое главное, политическими причинами.

В южнокавказском регионе миной замедленного действия, которая время от времени взрывается, как мы знаем, является проблема Нагорного Карабаха. Хотя это проблема формально двух государств – Азербайджанской Республики и Республики Армения – но она втягивает в свою орбиту как региональные страны (Исламскую Республику Иран и Турецкую Республику), так и глобальных игроков (Россию, США, Израиль и Евросоюз, если брать, так сказать, в комплексе).

Пожалуй, наиболее значимо для всей военно-политической ситуации в этом ареале выступают отношения между Ираном и Азербайджаном. Это понятно. Иран – страна, которая граничит и с Азербайджаном, и с Арменией, и недалеко от Нагорного Карабаха. До XIX века эти земли принадлежали Персии. Потом они перешли под российскую, а затем – советскую юрис-

дикцию. Но при этом иранское влияние, персидское влияние ощущалось еще долгое время.

С момента появления Исламской Республики Иран и Азербайджанской Республики как независимых государств на политической карте мира, соответственно, в 1979 году и в 1991 году, несмотря на географическую, историческую, конфессиональную, можно сказать, и определенную этническую близость – как мы знаем, в Иране по разным данным от двадцати до тридцати пяти процентов населения этнические азербайджанцы – периоды сближения между этими странами и взаимного доверия сменялись периодами напряженности и подозрительности.

Одна из основных теоретических концепций военно-политической доктрины Исламской Республики Иран – это экспорт исламской революции по иранскому образцу. Эта концепция начала проводиться в жизнь с первых лет существования Исламской Республики именно в Азербайджане еще даже до распада СССР. После провозглашения Азербайджанской Республики политико-идеологическая и религиозная работа иранских проповедников в независимом Азербайджане усилилась.

Тогда это вызывало негативную реакцию отнюдь не религиозного Баку, да и всего бывшего советского азербайджанского народа. Вспыхнувшая вокруг Нагорного Карабаха первая армяно-азербайджанская война в 1991–1994 годах высветила позицию Тегерана. Первоначально Иран оказывал поддержку своим азербайджанским единоверцам-шиитам, однако вскоре в связи с укреплением отношений Баку с Турцией, США и Израилем ориентация Тегерана стала меняться в пользу христианской Армении.

Во время второй, последней, 44-дневной армяно-азербайджанской войны в 2020 году Иран продолжил свою проармянскую политику. Как известно, 10 ноября 2020 года благодаря усилиям Москвы удалось заклю-

чить перемирие. Однако отношения между Тегераном и Баку продолжали накаляться. Причин этому несколько. Во-первых, исторически, с одной стороны, имперские фантомные боли иранцев, сконцентрированные на Южном Кавказе, все-таки дают о себе знать. Сотни лет былого господства на Кавказе дают о себе знать.

С другой стороны, в Иране опасаются возрастания сепаратистских настроений на национальной почве. Последние события в Исламской Республике, которые начались в сентябре прошлого года, показывают это. Там национально-этнические выступления тоже были, и среди азербайджанцев также. Во-вторых, политико-экономические причины, которые, в частности, касаются вопросов правового статуса Каспийского моря. Иран до сих пор не ратифицировал принятую еще в 2018 году концепцию о правовом статусе Каспия, из-за чего этот международный правовой документ не может вступить в законную силу. Это нагнетает недовольство сторон, я имею в виду, Азербайджана и других прикаспийских стран по спорным пограничным водным и донным пространствам Каспия.

В-третьих, политические, к которым можно отнести различие взглядов Азербайджанской Республики и Исламской Республики Иран на будущее послевоенное устройство региона, я имею в виду, между Арменией и Азербайджаном. Это нерешенные пункты проблем Нагорного Карабаха, Лачинской дороги и Зангезурского коридора.

Причем зангезурский коридор, если таковой будет создан по лекалам Азербайджана и Турции, приведет к усилению пантюркистских амбиций Анкары и проложит Турции прямой путь к Каспию, и дальше – в центральноазиатские тюркские государства, что, несомненно, будет содействовать осуществлению идей президента Эрдогана о Великом Туране.

При этом если принять во внимание Шушинскую декларацию, подписанную в июне 2021 года президен-

тами Азербайджана и Турции, в которой провозглашается идеология «один народ, два государства», то этот тезис вступает в противоречие с политическими устремлениями Исламской Республики Иран. Союз Азербайджана и Турции, значительно укрепившийся после второй азербайджанской войны на Кавказе, тем самым потеснил Иран от решения многих южнокавказских проблем. Это, конечно, безусловно, беспокоит Тегеран.

Кроме того, в Баку настороженно относятся к наблюдаемому в последнее время одностороннему, практически союзническому сближению Тегерана и Еревана. В столицах двух стран все чаще и громче говорят о заключении военно-стратегического договора Иран – Армения.

В свою очередь, для Тегерана мощным раздражителем является тесное сотрудничество Азербайджана с США и в первую очередь с Израилем. Так, буквально на днях, 18 апреля, глава МИД Израиля Эли Коэн посетил Азербайджан. В Баку основной темой стало экономическое сотрудничество. Вместе с Эли Коэном прилетели представители 30-ти компаний, работающих в области кибербезопасности, внутренней безопасности, водоснабжения и сельского хозяйства.

Господин Коэн также встретился с президентом Ильхамом Алиевым. Азербайджанский лидер заявил, что Баку заинтересован в обмене технологиями, которые помогут модернизировать азербайджанскую экономику. Израиль и Азербайджан давно и тесно взаимодействуют. За последние три месяца нынешнего года, то есть за первый квартал этого года, товарооборот двух стран составил 450 миллионов долларов, годовой – получается, практически 2 миллиарда. Баку поставляет еврейскому государству нефть и продукты нефтепереработки, покрывая приблизительно треть потребностей Израиля в энергоносителях. В ответ получает высокотехнологическую продукцию – в пер-

вую очередь различные виды вооружений, в том числе бронетехнику, электронику двойного назначения, разведывательные и ударные беспилотники, системы навигации, оптику и многое другое.

Последние годы стороны – Азербайджан и Израиль – официально оформили свои отношения. При этом неслучайно, что практически одновременно с инцидентом вокруг посольства Азербайджана в Иране Баку открыл свое посольство в Тель-Авиве. Я просто не буду повторять, что произошло вокруг азербайджанского посольства в Тегеране. Тогда в ходе торжественной церемонии глава МИДа Азербайджана Байрамов заявил, что страны Азербайджан и Израиль выстраивают отношения на основе общности интересов.

Напомню, что дипотношения Азербайджана и Израиля были установлены в 1992 году. В 1993-м открыто израильское посольство в Баку. Однако Азербайджан воздерживался от открытия своего диппредставительства в Израиле, чтобы не раздражать Иран. Можно перечислять множественные инциденты, имевшие место между Ираном и Азербайджаном в последние месяцы. Это и разгром иранской агентуры в Азербайджане, и объявление сотрудников посольства Ирана персонами нон грата, и провокационные военные учения, как Азербайджана, так и Ирана на границе двух стран, резкие заявления официальных лиц и так далее.

Я лишь обозначил некоторые причины многосторонних разногласий Тегерана и Баку и, соответственно, действия этих сторон в рамках этих разногласий. Однако это совершенно отдельные темы, каждая из которых требует специального глубокого исследования и анализа, а у нас просто нет на это времени.

Современный мир, как мы понимаем, изменяется с космической скоростью. Конкуренция России и Запада усиливается в различных точках планеты, и это накладывает свой отпечаток на развитие ситуации в отношении Иран – Азербайджан и, в целом, на Южном Кавказе.

Многополярность, о чем сегодня многие говорят, несет в себе некоторые зерна политической неопределенности. Ежели раньше мир был поделен четко – СССР и его сторонники, США и их сторонники, страны движения неприсоединения, – то сегодня все смешалось. Многие страны, пользуясь принципом многовекторности в своей внешней политике, стали занимать позиции на передовых линиях противостояния основных противоборствующих стран.

Яркий пример тому – Саудовская Аравия, восстановившая свои отношения с Ираном. Она удачно воспользовалась противостоянием США и Китая и получает от конкуренции этих двух стран преференции. Причем, преференции не только от США и Китая. Кстати, многие думают, что саудиты просто откололись от Соединенных Штатов. Совсем нет. И от Израиля – тоже нет, потому что многие политологи и дипломаты говорят о том, что, вполне возможно, саудиты последуют, так сказать, примеру своих соседей и установят дипломатические отношения с Израилем.

Поэтому я еще раз говорю, что как раз вот такие страны, как Саудовская Аравия, занимают позиции, так сказать, на фронте борьбы, используя и одну, и другую сторону для получения определенных преференций.

На Южном Кавказе показательный пример – Армения, которая балансирует на пересечении многих силовых линий: Франция, Евросоюз и Запад с одной стороны, а Иран и Россия – с другой. Надо сказать, что Азербайджан также не чужд подобному явлению: США, Израиль, Турция – и Россия. То есть и Баку, и Ереван пытаются получать многие преференции вот от этого, как я уже говорил выше, противостояния на Южном Кавказе, да и вообще регионе и, в целом, в мире.

Россия с момента возникновения армяно-азербайджанского конфликта в 1990-х годах прошлого века делает все от нее зависящее, чтобы снизить накал юж-

но-кавказского противостояния. Я уже отмечал, что благодаря Москве Иран и Баку заключили перемирие, но это только начало работы по формированию общекавказской системы безопасности, где отношения Иран – Азербайджан играют одну из ключевых ролей. И эта новая система безопасности на Кавказе чрезвычайно важна для всех участников.

Для России Кавказ был и остается стратегическим ареалом. Особенно сегодня, когда Российскую Федерацию сковали оковы санкций. Поэтому МТК «Север – Юг» и транспортные магистрали, которые проходят, в частности, по Азербайджану и Ирану, чрезвычайно важны для Москвы. Об этом сегодня уже многие говорили. А без нормализации отношений между двумя странами говорить о полноценном эффективном экономическом пути из Руси в Индию, открытом еще в XV веке русским купцом Афанасием Никитиным, не приходится.

У России хороший потенциал для политико-дипломатической работы в кавказском регионе. Москва имеет деловые отношения с главными участниками южно-кавказских событий – с Ереваном, с Тегераном, с Баку, с Анкарой и с Иерусалимом. Главное – преобразовать этот потенциал в реальность. Но, как говорят, политика – это искусство возможного. Еще много препятствий на пути к формированию, так сказать, бесконфликтного развития событий.

Я позволю себе положить, и об этом говорят многие политологи, аналитики и СМИ, что Иран и Азербайджан находятся чуть ли не на грани военных действий. Я считаю, что нет, потому что и в Баку, и в Тегеране заинтересованы в отношениях двух стран и, прежде всего, в экономическом плане. Я уже говорил, что коридор «Север – Юг» важен и для Ирана, и для Азербайджана. И в то же время буквально последние события – руководители двух стран имеют постоянные телефонные разговоры, и мы знаем, что поздравили

друг друга с большим религиозным праздником. То есть, есть какие-то тенденции для того, чтобы смягчить вот то противостояние, о котором я сегодня много говорил, и привести к нормальному развитию событий и к нормальным отношениям.

И здесь я хочу сказать мое личное мнение, что, конечно, нельзя сбрасывать остальных участников, заинтересованных в нормализации отношений на Южном Кавказе. Поэтому лучший вариант, как уже много говорили, это переговоры по формату «3 + 3». Имеются в виду три закавказских республики – Грузия, Армения, Азербайджан, и три страны, которые имеют непосредственное отношение к этому региону – я имею в виду Турцию, Исламскую Республику Иран и Россию.

Доктор Зарч Али Беман Эгбали,

заведующий кафедрой евразийских исследований

Института политических и международных исследований МИД

Исламской Республики Иран

(Исламская Республика Иран)

Перспективы развития российско-иранских отношений

В течение последних полутора лет я являюсь руководителем группы «Евразия». Более чем с двадцатью странами у нас были от одного до трех раз круглые столы. С Россией у нас это первый раунд, и, с учетом того, что у нас большие и очень важные отношения, считаю, что такие мероприятия нужно повторять.

После того, как в России началось СВО, мы бы приветствовали трехсторонне заседание Иран – Россия с Сербией, Венгрией и Азербайджаном. И мы бы с большим удовольствием приветствовали организацию встреч такого рода в Москве, Тегеране или в любой иной третьей стране. Без такого рода встреч, выступлений и конференций развивать отношения для наших политиков тоже будет сложно. После их проведения мы сможем более оперативно развивать отношения между Ираном и Россией.

Первое – это влияние Ирана в исламском мире. С учетом того, что возникла новая для России ситуация, она приветствует развитие отношений с этими странами.

Второе – обе страны не согласны с политическим, военным и геополитическим подходом США и не хотят, чтобы было ее влияние в Евразию.

Третье – это санкции.

Для того, чтобы уложиться во времени, я только обозначу пункты и не буду рассказывать подробности.

Четвертое (очень важно) – лидеры наших стран против однополярного мира и за многополярный мир.

Пятое – влияние наших стран на Центральную Азию, Южный Кавказ и Каспийский регион. Эти регионы являются такими важными для того, чтобы возникли новые конфликты, и мы, Россия и Иран, не готовы к этим конфликтам.

Шестое – борьба наших стран с развитием террористических и экстремистских групп в Центральной Азии, на Кавказе и на юге – так называемые Афганистан и Пакистан. Если была бы возможность, я бы смог добавить еще 20 пунктов, на что мы можем полагаться и как должны развивать свои подходы для развития наших отношений.

Несколько раз был задан вопрос, почему не реализуются соглашения, которые уже существуют между нашими странами. Если не ошибаюсь, четыре года назад я был в Татарстане для того, чтобы подготовиться к поездке с господином президентом Ирана. В конце поездки объявили пакет соглашений между двумя странами, но тогда еще не было никаких слов про конфликт с Украиной. Были указаны облегчение визового режима между двумя странами, о сопряжении банковских систем между странами, отказ от доллара, взаимодействие в сфере таможен и так далее. Почему это все не реализовано? Мы дойдем до этого момента, если понятие о сегодняшней России в Иране станет, как об общей литературе для всех народов. Соответственно, взаимно в России для всех народов понять об исламском Иране.

И последнее предложение – чтобы наши представители элиты обобщили свой анализ в развитии сотрудничества наших стран.

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.
ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ**

Доктор Ширголами Халиль,

заместитель директора Института политических
и международных исследований МИД Исламской Республики Иран
(Исламская Республика Иран)

Поговорили о том, что порядок нашего мира изменился, и наш мир становится разнообразным. Больше игроков могут поучаствовать в этом порядке и будут иметь свою роль. Создались так называемые новые блоки сотрудничества, и объединилось больше стран. И в этом мире Иран и Россия могут выступить в качестве важнейшего направления для формирования этого нового мира в тенденции взаимного сотрудничества и в сотрудничестве с Китаем, с Индией и так далее.

Очень подробно поговорили по поводу экономического сотрудничества Ирана и России. Были указаны и вызовы, и перспективы. Новое понятие, которое появилось для обеих сторон, исходя из новой ситуации, дает нам надежду улучшения взаимных отношений.

Были, конечно, благополучные и очень полезные выступления. Конечно, были и сходства, и разногласия. Но в любом случае нам нужно, чтобы было больше понятия для обеих сторон.

Мы как Институт международных и политических исследований, который является одним из самых важнейших институтов при МИД Ирана, готовы провести со всеми институтами такого рода мероприятия и конференции, и как указал мой коллега, господин Экбали, еще в новых форматах. Мы готовы проводить как многосторонние, так и трехсторонние мероприятия. И еще раз искренне благодарю и надеюсь, что лучшие события произойдут в отношениях Ирана и России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Институт стран СНГ

Институт политических и международных исследований (IPIS) МИД Ирана

РОСАТОМ

Международная конференция

"РОССИЙСКО-ИРАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ"

Москва, 25 апреля 2023 г.

ПРОГРАММА

09:00-10:00

Регистрация участников.

10:00-10:15

Вступительное слово:

Затулин Константин Федорович, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, директор Института стран СНГ (Россия).

10:15-12:00

Пленарное заседание.

Открытие конференции.

Модератор – Затулин Константин Федорович, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, директор Института стран СНГ (Россия).

Казем Джалали, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации.

Черницын Федор Валентинович,
заместитель руководителя
секретариата Заместителя
Председателя Правительства РФ
Оверчука А.Л.

Доктор **Мохаммад Хасан**
Шейхольэслами, директор Института
политических и международных
исследований МИД Исламской
Республики Иран.

Баранов Максим Анатольевич,
заместитель директора Второго
департамента Азии МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный
Посланник 1 класса

Наумкин Виталий Вячеславович,
научный руководитель Института
востоковедения РАН, академик РАН,
профессор, доктор исторических наук
(Россия).

Алексеев Дмитрий Алексеевич,
начальник Управления
международных проектов за рубежом
Департамента зарубежных проектов и
международного сотрудничества ОАО
«РЖД» (Россия).

Карслиева Виктория Георгиевна,
заместитель исполнительного
директора Фонда поддержки
публичной дипломатии им. А.М.
Горчакова (Россия).

Кожокин Евгений Михайлович, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, декан Факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), доктор исторических наук (Россия).

Спаский Николай Николаевич, заместитель генерального директора – директор Блока международной деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», посол, доктор политических наук (Россия).
«АЭС Бушер – как флагман энергетического сотрудничества России и Ирана».

12:00-14:00

I секция. Геополитические аспекты российско-иранского сотрудничества в Евразии.

Модератор – Евсеев Владимир Валерьевич, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук (Россия).

Лузянин Сергей Геннадьевич,
профессор МГИМО (У) МИД
России, профессор Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ
ВШЭ), член Российского совета по
международным делам, президент
Фонда поддержки востоковедческих
исследований (Россия). – ZOOM.
«Россия – Иран – Китай»: новая
система стабильности и безопасности
«неамериканского мира»

Доктор Ширголами Халиль,
заместитель директора Института
политических и международных
исследований МИД Исламской
Республики Иран.
Тема выступления уточняется.

Султанов Булат Клычбаевич, директор
Исследовательского института
международного и регионального
сотрудничества Казахстанско-
немецкого университета (Казахстан). –
ZOOM.
«Евразия и становление
многополярного миропорядка»

Жарихин Владимир Леонидович,
заместитель директора Института
стран СНГ (Россия).
«О влиянии украинского кризиса на
российско-иранские отношения»

Мустафабейли Али Митхадович,
заместитель директора Института
актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД
России, Чрезвычайный и Полномочный
Посланник 2 класса кандидат
исторических наук (Россия).
«Исторические аспекты российско-
иранских отношений»

Сафранчук Иван Алексеевич, директор
Центра евроазиатских исследований
Института международных
исследований МГИМО (У) МИД России,
кандидату политических наук (Россия).
«Региональные последствия
глобальной геополитической
трансформации»

Волхонский Борис Михайлович,
доцент Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат
филологических наук (Россия).
«Россия – Иран – Индия: диалог
великих цивилизаций Евразии как
фактор стабильности на континенте»

Федорова Ирина Евгеньевна, старший
научный сотрудник сектора Ирана
Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук (Россия).
«О новых тенденциях в ирано-
индийских отношениях»

Дискуссия.

14:00-15:00

Обед.

15:00-16:30

**II секция. Экономические аспекты
российско-иранского сотрудничества
на евразийском пространстве.**

**Модератор – Мигранян Аза
Ашотовна**, профессор, доктор
экономических наук, заведующая
отделом экономических исследований
Института стран СНГ (Россия).

Мамедова Нина Михайловна,
заведующая сектором Ирана Центра
изучения стран Ближнего и Среднего
Востока Института востоковедения
РАН, кандидат экономических наук
(Россия).

«Российско-иранские отношения
в экономической сфере»

Доктор **Моради Манучехр**, старший
специалист Института политических
и международных исследований
МИД Исламской Республики Иран.
«Экономические аспекты российско-
иранского сотрудничества»

Дунаева Елена Викторовна – старший
научный сотрудник Института
востоковедения РАН, кандидат
исторических наук (Россия).
«Интересы России и Ирана в рамках
ЕАЭС»

Крылов Данила Сергеевич,
научный сотрудник отдела
Ближнего и Постсоветского Востока
Института научной информации по
общественным наукам (ИНИОН) РАН
(Россия).
«Внешнеполитические идеологемы
России и их актуальность для региона
Ближнего Востока в контексте
трансформации современной системы
международных отношений»

Дискуссия.

16:30-17:30

**III секция. Военно-политические
аспекты российско-иранского
сотрудничества на Южном Кавказе
и в Центральной Азии.**

**Модератор – Евсеев Владимир
Валерьевич**, заведующий отделом
евразийской интеграции и развития
ШОС Института стран СНГ, кандидат
технических наук (Россия).
«Состояние и перспективы российско-
иранского сотрудничества в
Центральной Азии»

Долгов Борис Васильевич, ведущий
научный сотрудник Центра
арабских исследований Института
востоковедения РАН, доктор
исторических наук (Россия).
«Российско-иранское сотрудничество
в Сирии»

Белов Владимир Иванович,
профессор кафедры теории и истории
международных отношений РУДН,
доктор исторических наук (Россия,
онлайн).
«Стратегические вызовы безопасности
Ирана на Ближнем и Среднем Востоке»

Нессар Омар, старший научный
сотрудник Центра изучения стран
Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук (Россия).
«Развитие ситуации в Афганистане и
возможные направления российско-
иранского сотрудничества»

Сажин Владимир Игоревич, старший
научный сотрудник сектора Ирана
Института востоковедения РАН,
профессор, кандидат исторических
наук (Россия).
«Проблемы ирано-азербайджанских
отношений в изменяющемся мире»

Доктор **Зарч Али Беман Эгбали,**
заведующий кафедрой евразийских
исследований Института политических
и международных исследований МИД
Исламской Республики Иран.
«Перспективы развития российско-
иранских отношений»

Дискуссия.

17:30-18:00

**Пленарное заседание.
Закрытие конференции.**

Доктор **Мохаммад Хасан Шейхольэслами**, директор Института политических и международных исследований МИД Исламской Республики Иран.

Евсеев Владимир Валерьевич, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук (Россия).

Институт стран СНГ

IPIS

Институт политических и международных исследований (ИПИ) МИД Ирана

РОСАТОМ

Международная конференция

"РОССИЙСКО-ИРАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ"

Москва, 25 апреля 2023 г.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

1. **Аватков Владимир Алексеевич**, заведующий отделом и ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор политических наук, доцент (Россия).

2. **Акимова Алена Олеговна**, научный сотрудник отдела Белоруссии и Прибалтики Института стран СНГ (Россия).

3. **Александров Дмитрий Александрович**, ведущий научный сотрудник Центра проблем стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований (РИСИ), кандидат исторических наук (Россия). – ZOOM.

4. **Алексеев Дмитрий Алексеевич**, начальник Управления международных проектов за рубежом Департамента зарубежных проектов и международного сотрудничества ОАО «РЖД» (Россия).

5. **Андреева Екатерина Сергеевна**, эксперт РИСИ (Россия).

6. **Арешев Андрей Григорьевич**, эксперт аналитического центра «Фонд стратегической культуры» (Россия).

7. **Артамонов Павел Анатольевич**, начальник отдела Департамента международного сотрудничества Министерства энергетики Российской Федерации.

8. **Баранов Максим Анатольевич**, заместитель директора Второго департамента Азии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса.

9. **Безпалько Богдан Анатольевич**, политолог, член Совета при Президенте РФ по международным отношениям (Россия).

10. **Белов Владимир Иванович**, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН (Россия).

11. **Беляков Андрей Александрович**, директор Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

12. **Бойкова Елена Владимировна**, старший научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

13. **Борзуи Мостафа**, переводчик Посольства Исламской Республики Иран в Российской Федерации.

14. **Борисова Ольга Александровна**, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ (Россия).

15. **Бочаров Иван Александрович**, программный координатор Российского совета по международным делам (Россия).

16. **Волхонский Борис Михайлович**, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук (Россия).

17. **Вышегородцев Даниил Денисович**, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ (Россия).

18. **Гаджиев Амур Гаджибабаевич**, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

19. **Галушко Александр Валентинович**, главный советник секретариата Заместителя Председателя Правительства РФ Оверчука А.Л. (Россия).

20. **Грачев Алексей Витальевич**, руководитель пресс-службы Института стран СНГ (Россия).

21. **Гущин Александр Владимирович**, старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, эксперт РСМД (Россия).

22. **Джалали Казем**, Чрезвычайный и Полномочный посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации.

23. **Джахангири Хоссейн**, переводчик Посольства Исламской Республики Иран в Российской Федерации.

24. **Дунаева Елена Викторовна**, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

25. **Долгов Борис Васильевич**, ведущий научный сотрудник Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, доктор исторических наук (Россия).

26. **Евсеев Владимир Валерьевич**, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук (Россия).

27. **Егоров Владимир Георгиевич**, заместитель директора Института стран СНГ, профессор, доктор исторических наук, доктор экономических наук (Россия).

28. **Ельчинов Андрей Васильевич**, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

29. **Жарихин Владимир Леонидович**, заместитель директора Института стран СНГ (Россия).

30. **Жильцов Сергей Сергеевич**, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, доктор политических наук (Россия).

31. **Журко Артем Михайлович**, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

32. Доктор **Зарч Али Беман Эгбали**, заведующий кафедрой евразийских исследований Института политических и международных исследований МИД Исламской Республики Иран.

33. **Затулин Константин Федорович**, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, директор Института стран СНГ (Россия).

34. **Звягельская Ирина Доновна**, руководитель Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия).

35. **Иванов Владимир Александрович**, старший научный сотрудник Центра проблем стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований (Россия). – ZOOM.

36. **Ипполитов Иван Владимирович**, старший научный сотрудник Центра проблем стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук (Россия). – ZOOM.

37. **Каджая Станислав Разгенович**, атташе Посольства Республики Абхазия в Российской Федерации.

38. **Календжян Альвина Огановна**, исполнительный директор ВШКУ РАНХиГС, кандидат экономических наук (Россия).

39. **Календжян Сергей Оганович**, декан РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ (Россия).

40. **Камали Мохаммад Махди**, старший советник Посольства Исламской Республики Иран в Российской Федерации (Иран).

41. **Карслиева Виктория Георгиевна**, заместитель исполнительного директора Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (Россия).

42. **Козеняшева Маргарита Михайловна**, заведующая кафедрой международного нефтегазового бизнеса Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, доктор экономических наук, доцент (Россия).

43. **Кожокин Евгений Михайлович**, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, декан Факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РУДН), доктор исторических наук (Россия).

44. **Кондратьев Владислав Владимирович**, главный редактор Информационно-аналитического портала «Каспийский Вестник» (Россия).

45. **Кривотов Андрей Константинович**, доцент кафедры управления инновациями МГИМО (У) МИД России, кандидат экономических наук (Россия).

46. **Крамаренко Анастасия Сергеевна**, старший научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ (Россия).

47. **Кришталь Игорь Семенович**, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ, кандидат экономических наук (Россия).

48. **Крылов Данила Сергеевич**, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Россия).

49. **Кузнецов Александр Андреевич**, заместитель директора Института прогноза и политического регулирования (Россия), доктор исторических наук.

50. **Кузнецов Василий Александрович**, заместитель директора Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

51. **Лебедев Дмитрий Евгеньевич**, заведующий отделом компьютерных и Интернет-технологий Института стран СНГ (Россия).

52. **Лавренов Сергей Яковлевич**, заведующий отделом Приднестровья и Молдовы Института стран СНГ, доктор политических наук (Россия).

53. **Лавров Сергей Николаевич**, профессор РУДН, доктор экономических наук (Россия).

54. **Лексютина Яна Валерьевна**, РАН, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, доктор политических наук, профессор (Россия).

55. **Лобанов Василий Юрьевич**, директор по продажам ГК Гаскар Групп (Россия).

56. **Лузянин Сергей Геннадьевич**, профессор МГИМО (У) МИД РФ, профессор Факультет мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Российского совета по международным делам, президент Фонда поддержки востоковедческих исследований (Россия), доктору исторических наук. – ZOOM.

57. **Мамедова Нина Михайловна**, заведующая сектором Ирана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук (Россия).

58. **Мигранян Азгануш Ашотовна**, заведующая отделом экономики Института стран СНГ, доктор экономических наук, профессор (Россия).

59. **Митрахович Станислав Павлович**, преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий эксперт Фонда национальной энергобезопасности (Россия).

60. Доктор **Моради Манучехр**, старший специалист Института политических и международных исследований МИД Исламской Республики Иран.

61. **Мотиив Виталий Михайлович**, заместитель заведующего кафедрой международного нефтегазового бизнеса Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, кандидат экономических наук (Россия).

62. **Мустафабейли Али Митхадович**, заместитель директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса кандидат исторических наук (Россия).

63. **Надеин-Раевский Виктор Анатольевич**, директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, кандидат философских наук (Россия).

64. **Наумкин Виталий Вячеславович**, научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, профессор, доктор исторических наук (Россия).

65. **Нессар Омар Мохаммад**, директор изучения современного Афганистана (Россия).

66. **Новиков Владимир Владимирович**, заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ, кандидат исторических наук (Россия).

67. **Ноибахуш Хоссейн**, переводчик Посольства Исламской Республики Иран в Российской Федерации.

68. **Останин-Головня Василий Дмитриевич**, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Россия).

69. **Петросян Давид**, независимый эксперт (Армения).

70. **Подрезов Михаил Андреевич**, лаборант-исследователь Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (Россия).

71. **Притчин Станислав Александрович**, старший научный сотрудник Центра постсоветский исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, кандидат исторических наук (Россия).

72. **Пылин Артем Геннадьевич**, заведующий сектором двусторонних отношений России и стран-соседей Института экономики РАН; доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук (Россия).

73. **Савина Ольга Вячеславовна**, научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ (Россия).

74. **Сажин Владимир Игоревич**, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, профессор, кандидат исторических наук (Россия).

75. **Сафаргалеев Ильдар Фаатович**, заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ (Россия).

76. **Сафранчук Иван Алексеевич**, директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, кандидат политических наук (Россия).

77. **Саргсян Саргис Аразович**, старший научный сотрудник Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона (Россия).

78. **Саркисян Сергей Лаврентьевич**, независимый эксперт (Россия).

79. **Сбитнева Алина Игоревна**, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Россия).

80. **Серегина Антонина Александровна**, доцент кафедры Мировая экономика Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук (Россия).

81. **Симонов Александр Геннадьевич**, доцент кафедры международных экономических отношений РУДН. кандидат экономических наук (Россия).

82. **Синельников Дмитрий Андреевич**, ведущий специалист Центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН (Россия).

83. **Синельщиков Алексей Владимирович**, директор информационно-аналитического портала «Каспийский вестник», кандидат технических наук, доцент (Россия).

84. **Скориков Иван Иванович**, заведующий отделом Украины Института стран СНГ (Россия).

85. **Сопилко Наталья Юрьевна**, доцент, профессор кафедры мировой экономики ИЭУП РГГУ, доктор экономических наук (Россия).

86. **Спасский Николай Николаевич**, заместитель генерального директора – директор Блока международной деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», посол, доктор политических наук (Россия).

87. **Султанов Булат Клычбаевич**, директор Исследовательского института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-немецкого университета, доктор исторических наук (Казахстан). – ZOOM.

88. **Сурков Андрей**, аспирант РУДН (Россия).

89. **Тинькова Арина Александровна**, Ассистент кафедры международных экономических отношений РУДН (Россия).

90. **Тихомиров Игорь Игоревич**, фотограф Института стран СНГ(Россия).

91. **Уголева Екатерина Ивановна**, научный сотрудник Института стран СНГ (Россия).

92. **Фадеев Александр Владимирович**, заведующий отделом Белоруссии и Прибалтики Института стран СНГ, кандидат исторических наук (Россия).

93. **Федорова Ирина Евгеньевна**, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

94. **Фролов Кирилл Александрович**, заведующий отделом по связям с РПЦ Института стран СНГ (Россия).

95. **Харитонов Дарья Викторовна**, заместитель заведующего отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ (Россия).

96. **Хас Керим**, эксперт по евразийской политике, турецкий политолог (Турция).

97. **Хегай Евгения Константиновна**, управляющая делами Института стран СНГ (Россия).

98. **Хейдари Мохаммадали**, сотрудник Посольства Исламской Республики Иран в Российской Федерации.

99. **Цвижба Абзагу Геннадиевич**, пресс-секретарь Посольства Республики Абхазия в Российской Федерации.

100. **Цыганок Анатолий Дмитриевич**, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат военных наук (Россия).

101. **Черницын Федор Валентинович**, заместитель руководителя секретариата Заместителя Председателя Правительства РФ Оверчука А.Л. (Россия).

102. **Чиж Людмила Петровна**, начальник отдела Департамента международного сотрудничества Министерства энергетики Российской Федерации.

103. **Шагеев Валерий Александрович**, член руководства Ассоциации российских дипломатов, член Совета ветеранов МИД России.

104. **Доктор Мохаммад Хасан Шейхольэслами**, директор Института политических и международных исследований МИД Исламской Республики Иран.

105. **Доктор Ширголами Халиль**, заместитель директора Института политических и международных исследований МИД Исламской Республики Иран.

**Российско-иранское сотрудничество
в меняющемся мире**

Материалы международной конференции
«Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире»
(Москва, 25 апреля 2023 г.)

Редактор
В. Евсеев
Компьютерная верстка
Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)
119180, Москва, ул. Б.Полянка, д. 7/10, стр. 3
(Старомонетный пер., 10)
Официальный Интернет-сайт Института стран СНГ: <http://materik.ru/>

Подписано в печать 15.03.2024
Формат 60×⁹⁰/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная

Заказ №

Отпечатано
в ООО «ПРИНТИКА»
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1,
пом. 11, к. 2, оф. 14–5

Для заметок

